

ИДЕОЛОГОИЯ БЕЗЫДЕЙНЫХ ЕСТЬ ЛИ У НЫНЕШНЕГО РОССИЙСКОГО РЕЖИМА ИДЕОЛОГИЯ?

Андрей Зорин

Историк русской культуры, профессор Оксфордского университета
и «Шанинки»

Екатерина Шульман

Академия Роберта Боша, фонд Боша, Берлин

Александр Панченко

Антрополог, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге,
приглашенный профессор Тартуского университета

Гульназ Шарафутдинова

Профессор Королевского колледжа Лондона, автор книги
«The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity» (2020)

Политический режим в России трансформируется в условиях начатой им военной агрессии против Украины. Он становится более репрессивным и предъявляет все более широкие претензии на идеологический контроль общественной жизни, образования, воспитания и культуры. Кроме того, потребностью войны является политическая мобилизация населения и, соответственно, мощные нарративы и идеологические конструкты, ее поддерживающие. Всеми этими свойствами и практиками располагали и оперировали, как считается, тоталитарные режимы прошлого столетия, в то время как для новых авторитаризмов XXI века характерны меркантилизм и идейная пассивность. В то же время поиски идейного фундамента российского авторитаризма продолжают с середины 2000-х годов, пройдя несколько сменяющих друг друга стадий. Каковы их результаты и каковы перспективы в условиях войны? Поможет ли война найти наконец мобили-

зационную идеологию российского авторитаризма? Есть ли у нынешнего российского режима идеология и как она устроена — объясняют Андрей Зорин, Екатерина Шульман, Александр Панченко и Гульназ Шарафутдинова.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ. КАК МЕНЯЛАСЬ ИДЕОЛОГИЯ ПУТИНСКОГО РЕЖИМА НА ПРОТЯЖЕНИИ ДВАДЦАТИ ЛЕТ

Андрей Зорин

Идеология путинского правления прошла большой путь от формулы «сильное государство и цивилизованный быт» до реваншистского мессианства, ставшего идейным фундаментом нынешней военной авантюры. Драйвером этих изменений была необходимость обоснования несменяемости власти. Но если первый извод путинского идеологического реваншизма, опиравшийся на консервативные клише «традиционных ценностей» и «православных скреп», не предполагал особенного отрыва от граждан, то нынешняя риторика «апокалиптической битвы» и «крестового похода» требует перехода к мобилизационной модели.

Даже относительно устойчивые режимы, а российский политический режим существует уже более двух десятилетий, не могут существовать без идеологии, ибо это тот язык, на котором они формулируют свои пожелания, предписания и табу, обращенные к населению. Режим без идеологии невозможен так же, как без полиции или финансовой системы. Другой вопрос, в какой мере она сама является устойчивой, последовательной и артикулированной и каков ее реальный мобилизационный потенциал?

Разумеется, ни разработанной политической философии, ни продуманной программы, ни объединительной идеи религиозного типа в распоряжении сегодняшней российской власти нет, но такие мощные инструменты — вообще редкость в идеологическом арсенале новейших тираний. Бóльшая их часть легко обходится базовым набором квазиконсенсусных символов и метафор, которые позволяют власти доходчиво разъяснять подданным, что от них ожидается, по каким признакам следует отличать своих от чужих и почему надо смириться с временными неудобствами жизни и неукоснительно поддерживать начальство. Собственно, в этом и состоит назначение государственной идеологии, которая, чтобы оказаться успешной, должна опираться на набор полусознанных политических мифов, разделяемых большинством. На протяжении последних двадцати лет путинский режим вполне квалифицированно и умело предъявил *urbi et orbi* несколько таких сменяющих друг друга наборов.

Сильное государство и цивилизованный быт

Идеологическую матрицу первых лет правления Путина можно определить как «сильное государство и цивилизованный быт». По умолчанию декларировалась преемственность по отношению к базовым идеологемам 1990-х, таким как «войти в цивилизованный мир» и «стать нормальной страной», подчеркнутая заявленной целью «догнать Португалию». Вместе с тем считалось, что ельцинский режим не мог достичь этих целей из-за слабости центральной власти, неспособной справиться ни с боярской фрондой, ни с чеченским терроризмом, поэтому мирный быт сограждан требовалось дополнить «вертикалью власти», «диктатурой закона» и т. п. В новогоднем обращении, переданном примерно через двенадцать часов после того, как Путин приступил к исполнению обязанностей президента, мы увидели его стоящим с непокрытой головой у кремлевской стены. Пока страна мирно выпивала, президент на посту охранял ее покой. Поздравив страну с праздником, Путин отправился в Чечню.

Надо сказать, что такая идеологическая конструкция была поддержана как большинством, начавшим ностальгировать по советским временам, которые стали издалека выглядеть сытыми и спокойными, так и стремительно европеизировавшимися городскими элитами. Разрушила этот консенсус не столько даже остановка экономического роста, сколько невозможность гарантировать несменяемость власти, которая была для руководства страны абсолютным приоритетом. Лозунг «суверенной демократии», призванный обосновать такую несменяемость, был выдвинут еще до начала экономического кризиса.

Скрепцы и ценности

После Болотных протестов 2011–2012 годов модернизационные элементы официальной идеологии были отброшены, а на их место пришли «скрепы» и «традиционные ценности», призванные обеспечить «стабильность», служившую обозначением все той же несменяемости власти. Помимо самоценной скрепы «сильной власти», этих «традиционных ценностей», собственно говоря, было две — культ Победы, превратившийся в официальную религию, и агрессивная гомофобия, начисто чуждая русской культуре и заимствованная из идейного арсенала американских правых радикалов. «Покорение Крыма», санкции и контрсанкции окончательно оформили идеологическую модель, в которой население страны делилось на «подавляющее большинство» и подлежащее подавлению «меньшинство», а былой «креативный класс» был переименован в «пармезанщиков» и «хамонщиков», то есть в потенциальных предателей.

Модель эта была в основе своей изоляционистской и исходила из смутных представлений об «особом пути» России, разделявшихся, если верить данным «Левада-центра», большинством населения. Идея «особого пути» пришла на смену стремлению стать «нормальной» страной и носила отчетливо антизападный характер. Вероятно, поэтому многие

сегодняшние наблюдатели подчеркивают изоляционистский характер той идеологической конструкции, которая оформилась после начала войны, связывая ее с идейным наследием славянофилов. Между тем такая интерпретация выглядит как минимум неполной, а скорее всего и просто неверна.

Время реванша: мессианский извод

Разумеется, нынешний извод официальной идеологии наследует предыдущему и в пропаганде «традиционных ценностей», и в поклонении Победе. Однако, если прежде казалось, что помешательство на былом величии имеет чисто реставрационный характер и выражает лишь неопределенную ностальгию то ли по СССР, то ли по Российской империи, то теперь обнаружился его национально-мессианский аспект. Путинская Россия претендует на место во главе коалиции автократий, противостоящих гегемонии Запада и намеревающихся привести его к всемирно-историческому поражению.

Одной из устойчивых российских политических мифологем является превращение поражения в победу. Все войны, вошедшие в базовый нарратив русской истории, начинались с тяжелых неудач, в конце концов оборачивавшихся триумфальной, хотя и давшей немалыми жертвами победой. За битвой на Калке следует покорение Казани, за нарвским разгромом — Полтава, за сожжением Москвы — взятие Парижа. «Мы долго молча отступали», — писал Лермонтов в стихотворении «Бородино», которое полтора столетия учили наизусть русские школьники. История Великой Отечественной войны от поражений 1941 года до падения Берлина как бы кристаллизует эту мифологию.

На этот раз в качестве точки отсчета был выбран распад СССР — «величайшая геополитическая катастрофа XX века» — и последовавшие за ней «лихие 1990-е», осмысленные как повторение Смутного времени. Теперь в соответствии с логикой избранного сюжета для России настает время реванша. Стоит вспомнить, что ультиматум, выдвинутый Западу в 2021 году, включал в себя не только условия, непосредственно связанные с Украиной, но и общее требование де-факто отменить расширение НАТО — «забирать манатки», как выразился в те месяцы крупный российский чиновник.

Понятно, что в нынешнем альянсе автократий Россия не может по своему экономическому значению конкурировать с Китаем, но эта слабость должна быть компенсирована исторически подтвержденными мощью русского оружия и мужеством русского солдата. По-видимому, состоявшийся в преддверии бомбардировок Киева олимпийский визит Путина в Китай призван был зафиксировать такое распределение ролей.

Национальное преобразование: вождь и народное тело

Такое национальное преобразование подразумевает не просто сильного лидера, образ которого официальная пропаганда вполне успешно создавала Путину с первого дня его президентства, но вождя, воплощающего в себе протяженность и неделимость народной истории. По-видимому, придание набору пресловутых «традиционных ценностей» конституционного статуса, наспех осуществленное поправками 2020 года, не было только камуфляжем для оформления пожизненного президентства, как это принято полагать, но должно было установить связь между вождем и народом, естественно не тем, который реально жил в России к концу 2010-х годов, но — с мистическим народным телом, существовавшим на всем протяжении тысячелетней российской истории.

В таком народе уже нет места тем, кто сомневается в мудрости вождя и его праве вести страну к новым жертвам и новым победам. Таких отщепенцев, как говорили в советские времена, или извергов, как выражались в XIX веке, уже недостаточно было ограничивать в правах и оплевывать, их нужно было в буквальном смысле «отщепить» от народного тела и «извергнуть» из него.

Однако, если вождь для новой идеологической конструкции был уже готов и предъявлен стране на протяжении двух десятилетий, настоящий народ для него еще предстояло создать. И самым главным шагом на этом пути было объявлено восстановление его исторического единства, подорванного Лениным, создавшим на территории Украины и Белоруссии квазигосударственные образования, и разрушенного Горбачевым и Ельциным, санкционировавшими их отделение. В этом смысле целью войны, начавшейся 24 февраля, было не возрождение империи, а объединение метрополии. Соответственно, те граждане этих стран, которые были убеждены в том, что они принадлежат к отдельным народам, имеющим право на собственную независимую государственность, оказывались не сепаратистами, подобными чеченским инсургентам 1990-х годов, но предателями — иноагентами, отщепенцами и извергами одновременно.

В русских сказках убитых богатырей сначала поливали «мертвой водой», чтобы отрубленные части их тела могли срастись, и только после этого «живой водой», способной вернуть их к жизни. Разрубленное коварным и жестоким Западом тело русского народа надо было сначала полить мертвой водой войны.

Крестовый поход и колесо обозрения

Нет смысла указывать на логические нестыковки такой конструкции или ее противоречия историческим фактам. Гораздо важнее — несоответствие ее содержания и ее статуса. По сути, это вполне тоталитарная идеология, требующая к себе религиозного отношения. Между тем в современной России, в отличие от СССР или Германии 1930-х годов, Китая 1960-х или Ирана 1970-х, нет ни демографических, ни экономиче-

ских, ни социальных предпосылок для успешного тоталитаризма.

Эти идеологические построения вполне соответствуют представлениям, ожиданиям и чаяниям значительной части населения, готовой их принять и усвоить, но вряд ли по-настоящему уверовать в них и приносить ради них жертвы. Похоже, и сама власть сознает эту проблему и потому запрещает называть войну войной, не спешит подкрепить мобилизационный пафос пропаганды практической мобилизацией или перейти от выборочных репрессий к массовым. Уникальность сегодняшней ситуации — в стремлении Кремля сочетать риторику и эмблематику крестового похода с попытками убедить обывателя, что обычная жизнь продолжается. В день наступления украинской армии в Харьковской области президент Путин открывал в Москве колесо обозрения.

Неудивительно, что в российском политическом обиходе все слышнее голос, как кажется, немногочисленной, но агрессивной группы радикалов, которых такой стеснительный тоталитаризм не устраивает и которые предлагают идти до конца.

На сегодняшний день идеологический аппарат власти оказался перед трудноразрешимой дилеммой. Даже при относительно благополучном для него исходе военных действий, который выглядит все более сомнительным, возвращение к идеологии мирного времени будет означать отказ от концепции апокалиптической битвы с западной цивилизацией, а следовательно — обесценивание войны и принесенных жертв. Напротив того, наращивание риторики чрезвычайного положения не только может спровоцировать колоссальное социальное напряжение, но и неизбежно приведет к поиску врагов и предателей на самых верхних этажах государственной власти — угроза, которую сами обитатели этих этажей вполне ясно осознают.

Российскому правящему режиму достаточно долго удавалось эффективно обновлять свои идеологические модели и адаптировать их к изменяющейся политической ситуации. На сегодняшний день потенциал такой адаптивности близок к исчерпанию.

Колесо обозрения, торжественно открытое президентом, на следующий день сломалось.

МОБИЛИЗАЦИЯ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ. К ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНДОКТРИНАЦИИ НЕ ГОТОВО НИ ОБЩЕСТВО, НИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Екатерина Шульман

Нынешний российский режим не столько опирается на идеологию, сколько пытается преобразовать свои пропагандистские клише в идеологическую платформу. Однако первые же попытки придать этим опытам харак-

тер обязательной доктрины наталкиваются на глухое сопротивление общества. Лежащие в ее основании идея жертвенности и культ смерти входят в конфликт с той гуманизацией социальных норм, которая имела место в России в предшествующие двадцать лет. Культ личного успеха и культ потребления, сопряженные с воспитанным самим нынешним режимом социальным лицемерием, — неблагоприятная среда для попыток мобилизации и пропаганды коллективной жертвенности.

От оппортунизма к индоктринации

У современного российского политического режима нет идеологии как цельного взгляда на историю, происходящие события и, самое главное, — на будущее развитие. Нет системы, которая производит и обуславливает его публичную риторику (то есть пропагандистские тезисы). Скорее, это происходит в обратном порядке: пропагандистские тезисы задним числом образуют или пытаются образовать некоторую идеологическую платформу, на которую они должны были бы опираться, но на самом деле возникают ситуативно и оппортунистически, *ad hoc*.

Можно сказать, что эта предполагаемая идеология режима формируется или нащупывается. Я бы назвала два фактора, необходимых для того, чтобы эта, по моему мнению, не существующая сейчас идеология действительно сформировалась. Это, во-первых, информационная монополия, то есть достаточная закрытость информационного пространства страны для обеспечения почти полного контроля над ним. Второй фактор — это время. То есть существующий порядок вещей, обобщенно понимаемый «режим», должен прожить — причем прожить и выглядеть достаточно сильным и эффективным — достаточное время, чтобы практики превратились в обычаи, случай превратился в норму, а пропаганда проросла в идеологию или образовала ее.

Сколько для этого нужно времени? Можно оперировать термином «жизнь поколения», одного или двух; можно оперировать временными отрезками, покрывающими то, что называется «*formative years*» («формирующие годы») одного поколения. Можно предположить, что для того, чтобы «прокомпостировать мозги» одному поколению, необходим срок, сравнимый со сроком школьного обучения. Если у вас есть десять-пятнадцать лет, то это, в общем, период некоей устойчивой идеологической индоктринации для одной-полутора демографических страт (людей, родившихся в период одной пятилетки).

Инстинктивно осознавая это, политическая система прямо сейчас пытается изменить свой подход к образованию — и к высшему, и, прежде всего, среднему школьному. Идеологическая индоктринация школьного образования — один из самых важных элементов возможной режимной трансформации из полукоткрытой информационной автократии в более тоталитарную политическую модель.

Пока мы присутствуем при самом начале этого процесса, но уже видим, как в этом самом своем начале он наталкивается на трудности. Какого рода эти трудности? Это ни в коем случае не протест, но это отторжение и тихий саботаж со стороны двух категорий граждан, которые чрезвычайно важны режиму своей лояльностью. Это педагоги (учителя и школьные администраторы) и родители.

Родители детей школьного возраста были как раз воспитаны и сформировались как личности в течение последних пятнадцати-двадцати лет — в предыдущем периоде, то есть в периоде относительной информационной открытости, проникновения в российское культурное пространство, а затем — и в бытовые практики новых ценностей гуманизации и второго демографического перехода. То есть это преимущественно люди, у которых мало детей, для которых родительство является сознательным выбором и для которых дети являются ценностью. Таковы, естественно, не все родители этого возраста (не все родители, чьи дети ходят в школу), но такого рода отношение и соответствующее поведение стали за это время социальной нормой. Социальная норма — это не то, чему все полностью соответствуют, от нормы можно отклоняться (если бы от нее никто не отклонялся, не было бы смысла ее и формулировать), но это то, что все — гласно или негласно — признают правильным, признают за нечто обобщенно «хорошее». Вот так относиться к детям — правильно, если вы ведете себя иначе, вы это скрываете или специально объясняете/оправдываете.

Разумеется, дети бывают у людей разного возраста. Но в целом возраст родителей школьников в городской России — 30–50 лет. Мы видим, как в данных опросов общественного мнения напрямую коррелирует с возрастом поддержка войны и любого рода человеконенавистнических тезисов и политик. Поддержка войны наиболее высока в возрастной группе 55+. Плохое отношение к Украине и вообще к внешнему миру — это тоже возраст 55+. Поддержка президента — 55+. Смотрение телевизора — 55+. У людей этой возрастной группы тоже могут быть дети-школьники, но в норме дети-школьники скорее будут у людей моложе пятидесяти.

Именно эти люди были недовольны программой введившихся в школах «разговоров о важном», насколько можно судить по рассеянному ропоту, который оказался достаточно эффективен для того, чтобы не отменить само решение (это в нашей политической системе почти невозможно), но изменить программу и содержание «разговоров». Давайте посмотрим внимательнее на то, чем они оказались недовольны. Они оказались недовольны той формой, в которой предлагалось говорить с детьми «о важном» в рамках новых понедельничных уроков. Очищая смысловое ядро этого недовольства от риторической шелухи, я бы описала его следующим образом: им не понравился культ смерти. Если совсем просто говорить: им не нравится, что детям проповедуют смерть, убийства и радости разного рода суицидальных практик.

Мне это кажется важным, во-первых, потому что подтверждает тезис о гуманизации, и, во-вторых, это подводит нас к ответу на вопрос об идеологии. Как только начинаешь пытаться сформулировать некую идеологию, которая была бы соприродна российскому политическому режиму в его нынешней стадии, то все, что возникает, — это культ силы и культ победы, за которыми стоит культ смерти.

Культ потребления, приспособленчество и имитация против тоталитаризма

Это интересный момент. Да, многие религии проповедуют радости загробной жизни, многие диктатуры эксплуатируют патриотический подвиг в смысле жертвования индивидуальным ради коллективного, жизнь человека ради блага государства. Почти любому начальству выгодно проповедовать податному сословию разные формы самопожертвования, чаще всего — экономического, но и физического тоже. Это простой способ получить человеческий труд и ресурсы даром. Если отдавание чего бы то ни было даром проповедуется как достойный, добродетельный поступок.

Но пропаганда всех этих форм самоповреждения не очень накладывается на ценности российского общества, она не очень пригодна для массового распространения в нем. Это может быть идеологией ордена ассасинов или тамплиеров, но для общества, структурной единицей которого является семья, а не отряд товарищей, это не очень годится. Даже самому начальству как социальной страте не очень соприроден идеал сладостной смерти с оружием в руках, странный извод идеологии викингов или разнообразные некрофилические культы возрождения через самосожжение.

Особенно явно это противоречит устойчиво сложившимся ценностным ориентирам российского общества. Среди них на первом месте стоят благополучие собственное и благополучие своей семьи. Российское общество конформное, атомизированное, не способное (точнее, слабо способное) к солидарности, с низким уровнем институционального и межличностного доверия. Мы часто сокрушаемся по этому поводу, справедливо полагая такой набор ценностей препятствием развитию, но сейчас мы видим, что он также является препятствием для тоталитарной трансформации. На пути успешной фашизации социума стоят оппортунизм, приспособленчество, культ личного успеха и личного потребления, всякого рода «гедонизм бедных» (то, что эксплуатирующие классы называют обычно «ленью») и присущие этим ценностям поведенческие практики: уклонение, лицемерие, имитация и саботаж.

Саботаж уроков «о важном» можно сравнить с другими случаями рассеянного сопротивления, например — с сопротивлением законодательному закреплению дистанционных образовательных практик, сложившихся в ковид. Мы помним, как это рассеянное родительское сопротивление остановило принятие законопроекта о дистанционном обучении, воспринятого гражданами как узаконение чрезвычайного и

превращение его в постоянное. Законопроект не был принят, и президент публично высказывался на эту тему, говоря, что нет, ничего такого не будет, все ученики вернутся в школы. И действительно, это произошло.

Другой пример — протесты против введения QR-кодов. Это происходило в 2021 году и стало интересным примером протеста в условиях запрета на любые протесты. Эти практики сопротивления — коллективные обращения, приход граждан в региональные законодательные собрания, массовые комментарии в Telegram-канале спикера Госдумы — оказались успешными. Закон о QR-кодах был отложен и, судя по всему, в ближайшей перспективе рассмотрен не будет.

К той же категории можно отнести и сопротивление закону о домашнем насилии. Конечно, решающую роль в его непринятии сыграло руководство РПЦ и консервативные наклонности пожилого высшего чиновничества, но в этом случае РПЦ и радикально-консервативные (как ни парадоксально звучит эта формулировка) медиаресурсы оказались поддержаны достаточно широкими общественными кругами. Потому что закон о профилактике семейно-бытового насилия был воспринят как новый инструмент, при помощи которого государство будет лезть в семьи.

Характерно, что один из Telegram-каналов, организовавший разного рода акции против этого закона, назывался «Оставьте нас в покое». Это поразительный лозунг, который, как мне кажется, просто должен быть написан на гербе Российской Федерации. Это то, чего хотят граждане. Этому противоречит, разумеется, любая агрессивная, империалистическая политика и в целом — любая проактивность. Может быть, именно поэтому всякого рода проактивные, экспансионистские, империалистические деяния, и внешне-, и внутривнутриполитические, ожидаемого успеха не имеют. Это противно природе социума — такого, каковым он сложился к началу 2020-х годов.

Окопная неправда

Пожилому политическому режиму довольно затруднительно, не изменившись кадрово и не изменившись политически, выдумать или высидеть из яйца какую-то новую идеологию, кроме той идеологии деполитизации, социальной атомизации и демобилизации, на которой он стоял больше двадцати лет. В этом смысле политический режим уперся в пределы своих возможностей, когда, будучи основан на демобилизации, поставил перед собой задачу, решаемую средствами мобилизации. Оказалось, что нет этих средств и нет присущих им инструментов. Именно так можно сформулировать проблему несуществующей российской идеологии.

Что остается и на что, возможно, граждане согласны: на очень смутное и очень обобщенно формулируемое антизападничество или изоляционизм. Ощущение того, что мы не такие, как весь мир; мир к нам, в общем, враждебен; никому мы не нужны; никто нам добра не желает.

Это соответствует мироощущению российского гражданина внутри России. Это соответствует низкому уровню межличностного доверия и рассеянному в воздухе постсоветскому цинизму, который считается у нас практической мудростью.

Такую картину мира можно описать как гоббсово естественное состояние человека — «войну всех против всех». Война эта столь же вечная, сколь и вялая, позиционно-оборонительная: никто никому добра не желает; никто никому особенно не помогает; любые транзакции — это скорее игра с нулевой суммой, чем win-win. Как считают постсоветские люди: «так мир устроен», — как на этаже межличностных отношений, так и на этаже отношений межгосударственных. Вот в этом, пожалуй, будут сходиться начальство и его подчиненные, или население, как они сами выражаются.

Пока мы имеем дело с процессом поиска идеологии на достаточно ранней стадии. Может быть, ситуация еще поменяется, и государство все же призовет к себе на службу какие-то, пока не видимые активные социальные слои. Мы не знаем, где они, мы не знаем, существуют ли они, и мне лично кажется, что их не существует. Но, может быть, откуда-то из-под земли они вырастут; может быть, они сметут нынешний порядок вещей. Может быть, они сформулируют нечто более похожее на идеологию, чем нынешние вялые попытки сделать это силами тех людей, которые пятнадцать, а то и двадцать лет публично навязывали обществу (в общем, не без его согласия) идею, что «правды не существует», «правду мы никогда не узнаем», «все врут», «да, и мы врем, но и другие не лучше», «и вообще, лучше не лезть в это мутное дело».

Тот же широкий медиаколлектив, проповедовавший то, что, по сути, является антиидеологией, пытается теперь (не особенно успешно) провозвести однозначные идеологические постулаты, в которые надо верить и ради которых надо жертвовать собой. Пока совершенно не видно, каким образом на этом бензине можно куда-то поехать.

Если некая идеология все же сформируется и будет иметь успех, то ее будут рассказывать нынешним школьникам. Если это делать десять лет, имея достаточную силу, чтобы контролировать информационное пространство в большей степени, чем оно контролируется сейчас, то через десять лет нынешние семилетние-десятилетние могут выйти в гражданскую жизнь воспитанными именно таким образом. Неважно, насколько они будут в это верить, но они будут выращены в мире, где так нормально себя вести: сидеть на уроке, даже если ты видишь, что учителю это не нравится и никому из твоих сверстников это не нравится, но все равно надо сидеть, нельзя возражать, надо молчать, надо это терпеть. Вот урок, который на самом деле будет преподан.

Но это, надо сказать, почти то же самое отношение к идеологии, с которым развалившаяся советская власть выпустила в широкий мир своих учеников и воспитанников. И в поздних 1980-х — ранних 1990-х они проявили себя социально, исходя из того, чему их так долго учили.

СОВЕТИЗМ И АНТИГЛОБАЛИЗМ НА ЗНАМЕНИ ОПОРТУНИЗМА. КАК УСТРОЕНЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ ПОЗДНЕГО ПУТИНИЗМА

Александр Панченко

Идейной рамкой ключевых нарративов эпохи Путина стало причудливое сочетание геополитических фантазий, конспирологии и морального алармизма. В этом отношении постсоветская Россия совсем не уникальна, однако является, вероятно, единственной крупной страной начала XXI века, где радикальная конспирологическая картина мира оказалась настолько популярна не только в массовой культуре, но и в среде политического истеблишмента.

Идеология идеологии

Людам, выросшим в СССР, слово «идеология» гораздо понятнее и привычнее, чем их сверстникам из США и Западной Европы, которым этот термин указывал, как правило, на запутанные дебаты левых теоретиков. Советская версия понятия «идеология» с легкой руки Ленина обрела, скажем так, метатеоретический и отчасти религиозный характер: «научная идеология марксизма» как бы подразумевала коллективное освоение объективной истины, неизбежно ведущее к борьбе с «ложными идеологиями» буржуазии, реакции, империализма и т. п. Наверное, именно поэтому поиски новой государственной или национальной идеологии заняли заметное место в политических дебатах и коллективном воображении социальных элит в постсоветских обществах. В качестве смутного объекта желания российских политтехнологов и чиновников «идеология» восходила к советской трактовке этого термина, а не к разнообразным концепциям, обсуждавшимся в XX веке специалистами по социальной теории.

Дело, конечно, не только в дискурсивной инерции. Внезапный и быстрый коллапс практик тотальной индоктринации, техник социального взаимодействия и политических ритуалов, характерных для позднего СССР, оставил в символической вселенной обширную брешь, которую было не так-то легко заполнить. Различные группы и сообщества справлялись с этой проблемой по-своему — от демонстративного и гипертрофированного потребления до создания утопических и эсхатологических коммун. Как бы то ни было, Путин и его политтехнологи думали и продолжают считать, что Россия нуждается в государственной идеологии и не один раз предпринимали, пускай и не вполне уверенные, попытки ее сконструировать.

Исследователи могут вкладывать в понятие идеологии довольно разные смыслы. Наиболее уместным, по крайней мере — применительно к современной России, мне представляется некогда предложенное Жаком-Франсуа Лиотаром понятие метанарратива. В широком смысле оно указывает на символические шаблоны или повествовательные модели, придающие смысл и историческую перспективу национальной, этниче-

ской и прочим идентичностям. В эпоху Путина в стране сформировалось несколько таких нарративов, лишь отчасти связанных друг с другом.

Мессианизм: досоветский, советский и постсоветский

Историю русского мессианства можно, конечно, начинать с XVI века или с еще более давних времен, но представление об особой миссии России и ее народа, с которым приходится сталкиваться нашим современникам, все же преимущественно восходит к политическим и историософским идеям второй половины XIX столетия. Известная теория о Московском государстве как о «третьем и последнем Риме», судя по всему, не пользовалась особой популярностью в среде светских элит XVI–XVII веков. Как показал американский историк Маршалл По, ее «второе рождение» или даже «изобретение» произошло лишь в 1870–1890-х годах, когда появились историософские доктрины, изображавшие русский народ «третьей силой», стоящей между воображаемыми Западом и Востоком, лидером будущего «славянского братства» или даже основателем грядущей всемирной христианской цивилизации.

Хотя черты советской коммунистической утопии на протяжении 70 лет существования СССР менялись, она всегда имела мессианский характер. Построение социализма и ожидание скорого наступления коммунизма в Советском Союзе объявлялось «столбовой дорогой» человечества в третьей Программе КПСС. Правда, в ее новой редакции, принятой в 1986 году, мессианской уверенности сильно поубавилось, а спустя еще пять лет коммунистический проект окончательно ушел в прошлое. Поиски новых мессианских идей и проектов для постсоветской России обычно подразумевали и «православное возрождение», но оно, как вскоре выяснилось, отторгалось массовой культурой. Поэтому попытки «возродить» православие в качестве первой среди равных религий постсоветской России, несмотря на значимую государственную поддержку, оставались по большей части декоративными и не позволяли сформировать последовательный идеологический нарратив. Правда, именно православные публицисты и идеологи, начиная с митрополита Иоанна (Снычева), сыграли по-своему заметную роль в распространении и популяризации геополитической конспирологии и морального алармизма, на которые опирался и продолжает опираться режим Путина.

Культ победы и «имперская невинность»

У советского мессианизма была еще одна составляющая, сформировавшаяся в последние десятилетия СССР, — нарратив о спасении мира от фашистской угрозы ценой невероятных жертв, принесенных во время войны. Правда, он не вполне соответствовал классическим формам мессианских сюжетов, обращенных не в прошлое, а в будущее и подразумевающих, что спасение и всеобщее счастье ожидают где-то впереди. С другой стороны, военные нарративы, лозунги и ритуалы, по всей видимости, вызывали у позднего советского общества гораздо более

интенсивную эмоциональную реакцию по сравнению с ожиданиями коммунистического будущего и отличались своего рода ореолом подлинности. Они имели прямое отношение к приватному опыту и памяти конкретных людей и семей и позволяли придать своего рода метаисторический смысл самой кровопролитной войне в истории человечества.

В эпоху Брежнева коммеморативные ритуалы и практики, связанные со Второй мировой войной, стали приобретать характер гражданской религии, и эта тенденция возродилась в отчасти гипертрофированном виде в эпоху Путина. Поздний советский «культ победы» сочетал представления о спасении мира, искупительной жертве и генеалогии современного общества: предки и ветераны, пожертвовавшие собой на войне, не только спасли мир, но и как бы обеспечили саму возможность мирной и благополучной жизни своих потомков. Исходя из типологии мифологических сюжетов, можно, наверное, сказать, что советский нарратив о Второй мировой войне сочетал черты этиологического, героического и эсхатологического мифов.

Это, по-видимому, и сделало «религию победы» наиболее привлекательной для путинских политтехнологов и пропагандистов, понимавших, что «православное возрождение» не оправдало ожиданий. Помимо прочего, этот метанарратив позволял как бы сгладить память о сталинизме, о роли, которую сыграли в массовых репрессиях предшественники путинского ФСБ, о депортации народов, о послевоенной оккупации стран Восточной Европы и т. п. В известном смысле «религия победы» была своего рода залогом «российской имперской невинности», если воспользоваться входящим в моду термином.

При Путине этот милитаристский культ зажил, так сказать, собственной жизнью, вышел за пределы политической пропаганды и действительно стал значимой частью массовой культуры. Одним из общих мест «религии победы» стала идея воспроизведения войны, иначе говоря — возвращения на поле сакральной битвы между советским добром и нацистским злом. Об этом свидетельствуют не только лозунги типа «можем повторить», но и целый набор сюжетов и практик массовой культуры — от военно-исторических реконструкций до фантастических романов и фильмов о современных россиянах, внезапно оказывающихся на фронтах Второй мировой.

Достаточно очевидно, что именно этот культ позволил и путинским пропагандистам, и их аудитории сформировать приемлемый шаблон для объяснения смысла и целей российской агрессии. Ритуал отличается от других видов человеческого поведения отсутствием непосредственного прагматического смысла совершаемых действий. В этом отношении война путинского режима против Украины оказалась именно ритуальной, поскольку у нее с самого начала не было ясно сформулированных целей. В то же время такая эволюция милитаристских обрядов и нарративов лишает их ритуального значения: если война пришла в реальную жизнь и оставляет после себя не воображаемые, а настоящие трупы и руины, ее больше не нужно воспроизводить при помощи парадов, ритуальных шествий, фильмов и романов. Иными

словами, эту «ритуальную войну» можно считать историческим финалом и логическим завершением «религии победы».

Тревога и геополитическое воображение

Еще одним значимым метанарративом эпохи Путина стало причудливое сочетание геополитических фантазий, конспирологии и морального алармизма. В этом отношении постсоветская Россия совсем не уникальна, однако является, вероятно, единственной крупной страной начала XXI века, где радикальная конспирологическая картина мира оказалась настолько популярна не только в массовой культуре, но и в среде политического истеблишмента. Коллективные фантазии на тему борьбы цивилизаций, заговора правительств, экономических элит, религиозных организаций и т. п. вообще довольно характерны для глобальной политической культуры второй половины XX — начала XXI века. Современная Россия при этом отличается особой чувствительностью к воображаемым опасностям этического и ценностного характера: так, скажем, государственная «Стратегия национальной безопасности» многократно упоминает довольно расплывчатые «традиционные российские духовно-нравственные ценности», которым, как предполагается, угрожает «внешняя культурная и информационная экспансия».

Конспирологический алармизм такого рода, вообще говоря, довольно типичен для маргинальных религиозных и националистических групп: сходным образом, например, рассуждали консервативные протестанты-евангелики в США 1970-х годов. Впрочем, тогда же появляются и аналогичные представления в позднем советском обществе, о чем, например, свидетельствует история так называемого «плана Алена Даллеса» — конспирологической фальшивки, основанной на фрагменте романа советского прозаика Анатолия Иванова «Вечный зов», где излагались тайные намерения «троцкистов» ввергнуть советский народ в пучину социальной, моральной и эстетической деградации.

Особенности и глобальное распространение современной конспирологии нередко объясняют в терминах «паники агентности» — концепции, предложенной американским литературоведом Тимоти Мелли. По его мнению, формирование и взрывообразный рост популярности теорий заговора во второй половине XX века непосредственно связаны с коллективным переживанием «убывающей агентности», «чувством, что человек теряет способность совершать осмысленные социальные действия, а в отдельных случаях и контролировать собственное поведение». Речь идет, таким образом, о неизбежных последствиях глобализации, роста информационных потоков, а также эрозии привычных социальных иерархий и структур. Постсоветская конспирология усугублялась еще и быстрым исчезновением железного занавеса, распадом империи, а также довольно тяжелым экономическим кризисом.

Я уже сказал, что заметную роль в распространении постсоветской конспирологии сыграли православные активисты и публицисты, зачастую обсуждавшие и политические процессы, и перемены в повседнев-

ной жизни в эсхатологических терминах. В отношении к этому опять-таки вполне применимы идеи Мелли, поскольку главную роль здесь играют две связанные друг с другом темы: утрата человеком индивидуальной агентности (способности к самостоятельному принятию решений) и «загрязнение», понимаемое одновременно и в моральном, и в физиологическом смысле. В религиозной риторике «последнего времени» обе они зачастую обсуждаются при помощи телесных образов и метафор. Апокалиптическое воображение такого рода уравнивает и даже отождествляет телесное, духовное и социальное, оперируя представлениями о, скажем так, «расширенном теле», которое вместе с тем подвергается постоянным рискам «загрязнения» и потери автономии. Важно, однако, что тревоги такого рода могут выражать себя не только в терминах религиозной эсхатологии, но и в форме геополитического воображения, в частности — в любимых Путиным и его сторонниками рассуждениях об отстаивании государственного суверенитета, «традиционных ценностей» и «особого пути развития» России.

Таким образом, как мне кажется, путинский режим и породившее его постсоветское общество не следует считать полностью лишенными идеологии. Здесь сформировались по-своему влиятельные метанарративные модели, отчасти связанные с культурой позднего СССР и вместе с тем довольно типичные для современных антиглобалистских дискурсов. Другое дело, что эти нарративы, идеи и ожидания свидетельствуют о продолжающемся глубоком кризисе, обусловленном довольно банальными и хорошо известными факторами: распадом империи, крахом советской модернизационной модели и сложностью современного информационного общества. Речь, как мне кажется, идет о еще не закончившейся деградации и фрагментации позднесоветской (и в более широком контексте — имперской) символической вселенной. Сложно представить, как на этих обломках «незавершенного советского» может вырасти или быть построена влиятельная мобилизационная идеология. Большинство россиян, по всей видимости, не столько поддерживает войну, сколько пытается забыть о ней, чтобы сохранить видимость «нормальной» повседневной жизни. О социальных причинах этого морального оппортунизма и потребительского конформизма нужно говорить отдельно, поскольку они, как мне кажется, связаны не только с постсоветской экономикой и политикой, но и с более общими социально-демографическими процессами. Важно, однако, что обсуждаемые идеологические шаблоны путинского общества сформировались и остаются функциональными преимущественно в мире оппортунистической, а не героической этики.

МИФОЛОГИЯ «КОЛЛЕКТИВНОЙ ЖЕРТВЫ» И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ. ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АНТИЛИБЕРАЛИЗМА

Гульназ Шарафутдинова

Представляя нацию «коллективной жертвой», идейные предприниматели Кремля направляли негативные эмоции и фрустрации населения на воображаемого «врага России». Стратегическая деполитизация российского общества — еще одна важная опора, дополняющая идею «коллективной жертвы» и обеспечивающая устойчивость путинскому авторитаризму. Навязав российскому обывателю войну как новую реальность, Путин создал конфликт между двумя этими опорами своего режима, разрешение которого зависит от того, какая из двух основ окажется более значимой — ресентимент или деполитизация и отмежевание от государства?

Генезис государственного антилиберализма: вызовы и стратегический ответ 2012 года

Идейные основания нынешнего политического режима в России складывались с 2012 года как ответная реакция на прогрессивную общественную мобилизацию. Известие о возвращении Владимира Путина на пост президента страны подстегнуло тогда волну политических протестов российского городского класса. Демонстрации и митинги на Сахарова и Болотной, марши и акции, организованные в 2011–2012 годах в Москве, Петербурге и других больших городах России, обозначили ясную угрозу для политической верхушки со стороны «разгневанных горожан».

Консервативный и националистический поворот российского руководства стал стратегическим ответом на эту угрозу. Российские власти противопоставили прозвучавшему требованию права голоса и демонстрации достоинства тезис о величии России, ее особом цивилизационном статусе и миссии по сохранению исторических традиций и православных ценностей. Этот позитивный посыл был усилен тезисом об упадке западной цивилизации, проявлением которого являются господствующие на Западе либеральные ценности и практики, не соответствующие традиционным, ориентированным на семейные ценности нормам, которые были объявлены единственным достойным образцом для подражания. Таким образом, российские политические элиты противопоставили западному либерализму российский национализм, традиционализм и антилиберализм.

Этот набор идей не является идеологией в строгом смысле (в каком идеологией является, например, марксизм) — идеологии обычно системны и в какой-то степени рациональны (хотя идеология фашизма, например, опирается на иррационализм). Концепции и образы, которыми оперируют сегодня в Кремле, не дотягивают до идеологии, но имеют

прямое отношение к активному и централизованному конструированию российской идентичности с опорой на идеи и, главное, на коллективные эмоции, которые перенаправляются на врага и используются политическими элитами для собственной легитимации.

Мифология «коллективной жертвы»

Влияние и мобилизационный потенциал конкретных идей измеряются степенью их общественного резонанса. Разные идеи затрагивают людей с разной интенсивностью, в зависимости от того, как они резонируют с индивидуальным жизненным опытом, жизненными потерями и достижениями, стремлениями и чаяниями. С этой точки зрения ключевой идейный пакет, к которому российская общественность отнеслась с наибольшим пониманием и откликом, — это идея «коллективной жертвы». В последние десять-пятнадцать лет «идейные предприниматели» Кремля легитимировали свое политическое руководство, опираясь на чувство коллективной травмы, связанной с посткоммунистическим переходом 1990-х годов.

Негативные коллективные эмоции, связанные с социальной неустроенностью, экономическими лишениями и нестабильностью, утратой советского чувства величия и исключительности, а также негодование по поводу растущего неравенства, коррупции и несправедливости, с помощью идеи «коллективной жертвы» были направлены на «другого». Когда есть «коллективная жертва», всегда появляется образ «преступника», того, кто несет ответственность за нанесенные травмы. В России образ этого ответственного за все «другого» (преступника) конструировался вокруг представлений о «Западе», «глобальном капитализме», США и переносился на их российских «представителей» — олигархов, либеральных реформаторов и прочие либеральные голоса.

Идея России как «коллективной жертвы» стала основанием политики ресентимента, опирающейся на чувства озлобленности, унижения и беспомощности, которые перевоплощались в агрессию и злорадство в отношении врага («другого»), того, кого воспринимали как источник всех зол.

Российские элиты не были изобретателями идеи «коллективной жертвы» и политики ресентимента. На самом деле, любая политика идентичности имеет значительные шансы перерасти в мифологию «коллективной жертвы», политику ресентимента и дальнейшее скатывание к экстремизму и насилию. Такие шансы велики, но их реализацию можно предотвратить. Мартин Лютер Кинг, знаменитый лидер движения за гражданские права в Соединенных Штатах (и один из создателей политики идентичности в современном ее понимании), осознавал опасность принятия позиции жертвы и призывал к личной ответственности, зрелости и самокритике. Борьба за коллективное признание должна основываться на вере в себя, а не на агрессивном поиске признания извне. Эволюция движения за гражданские права в Соединенных Штатах продемонстрировала, что уклонение от мифологии «кол-

лективной жертвы» и, следовательно, с вероятностью вытекающих из ее принятия призывов к насилию — непростая задача. Движение «Нация ислама» Элайджи Мухаммеда и черный национализм Малкольма Икс представляли собой более наполненные расовой нетерпимостью формы движения за гражданские права.

Стратегическая деполитизация и военная мобилизация

Таким образом, в отсутствие морального императива (подобного тому, о котором говорил Кинг) российская политика идентичности продвигала логику «коллективной жертвы» на национальном уровне и привела к прогрессирующей эскалации конфликта России с Западом, этапами которой стали сначала аннексия Крыма и война на востоке Украины, а затем и полномасштабное вторжение в Украину в феврале 2022 года, которое в свою очередь стало кульминацией развития тех идей, которые пропагандировались и продвигались Кремлем и его спикерами в течение предыдущего десятилетия.

Это трагическое и безответственное решение, ставшее возможным в условиях персоналистской автократии, довело политику идентичности в российском стиле до последней черты, превратив Россию в страну, противостоящую «коллективному Западу» и Украине, которая, согласно российской пропаганде, контролируется националистическими и фашистскими силами и в конечном счете западными элитами. Эта пропагандистская риторика скрывает за собой реальность настоящей войны против свободы соседней страны, которая раньше была неотъемлемой частью советской, а до этого — частью российской империи. Советские флаги, установленные на вновь оккупированной российскими войсками территории, являются ярким отражением империалистического характера этой войны.

Хотя политика ресентимента и идея «коллективной жертвы» находили значительный отклик в стране, развязанную сейчас войну большинство россиян было вынуждено принять как данность, которую они не могут изменить. Их эмоциональная вовлеченность в мифологию «коллективной жертвы» вовсе не означала, что они поддержали бы решение Путина о вторжении (если бы с ними посоветовались). Но реальность войны, навязанная сверху, навязывала новые императивы как правящим элитам, так и народу.

Многие из тех, кто не соглашался и мог покинуть страну, бежали. Однако у большинства не было такого выбора, и они вынуждены были заимствовать из российских СМИ риторические средства и идеи для оправдания своей позиции пассивного принятия войны или даже более активной, риторической ее поддержки. Позиция усвоенной пассивности и дистанцирования от тяжелой информации о преступлениях российских войск, гибели мирных жителей и разрушениях в Украине обозначает еще один важный аспект дискуссии об идейных основаниях современной российской политики. Стратегическая деполитизация российского общества — еще одна важная опора, дополняющая идею

«коллективной жертвы». Кремлевская пропаганда уже давно продвигает идею, что политика — это грязное дело, призывая людей оставить эту сферу доверенному лидеру, который уже повысил международный статус России и продемонстрировал свое внимание к социальным проблемам страны.

Недавнее решение об объявлении мобилизации в России в какой-то степени опирается на этот столп деполитизации. Ожидается, что российские граждане с готовностью воспримут призыв к защите отечества. Но также очевидно, что это решение идет вразрез с сформировавшимися ожиданиями: «вы там, наверху, делайте политику, но позвольте нам жить». Поэтому общественная реакция на мобилизацию будет различаться в зависимости от того, на какую из двух идейных основ в большей степени опирается обыватель. Если в общественном сознании сильнее резонирует политика ресентимента и коллективной жертвы, то идея защиты родины от врага будет выглядеть приоритетной. Если доминирующей установкой являются деполитизация и отмежевание от государства, то, скорее всего, «возвращения в политику» через личное участие в военных действиях не произойдет. Мобилизация будет порождать широкое недовольство и стремление уклониться от призыва, хотя давление общественного мнения и кодекса мужской чести, конечно, будут склонять баланс в другую сторону.

В ожидании альтернативы

Империалистический характер войны, которую Россия ведет в Украине, также опирается на идеи исключительности России, русской культуры и цивилизации, которые внедрялись в общественное сознание с начала консервативного поворота 2012–2013 годов. Подобные войны за сохранение колоний также хорошо знакомы нам из прошлого, что позволяет извлечь некоторые уроки из их истории.

Прогрессивное, антивоенное и антиимпериалистическое гуманистическое мышление Жан-Поля Сартра и его выступления в поддержку независимости Алжира в то время, когда Франция была вовлечена в империалистическую войну, становятся сейчас поводом для размышлений об идейных основаниях альтернативных политик, которые могут быть востребованы в России (если не сегодня, то завтра). Подобно Кингу, Ж.-П. Сартр исповедовал индивидуальную свободу воли и моральную ответственность. И эти идеи являются полной противоположностью идеологии «коллективной жертвы», которую сегодня исповедуют правящие элиты России.

Хотя борьба против «внутренней колонизации» афроамериканцев в Соединенных Штатах и деколонизация Франции, возможно, еще не полностью завершена, прогресс в обеих странах очевиден и неоспорим. Борьба против внутренней колонизации граждан России была подавлена, не успев начаться.

На данный момент может казаться, что нет места для альтернативных

идей. Однако уже сегодня совершенно ясно, что политика «коллективной жертвы» и ресентимента привела Россию к обрыву, и вот уже больше шести месяцев мы наблюдаем падение страны в пропасть. Рано или поздно России потребуются свои собственные Мартин Лютер Кинг и Ж.-П. Сартр, а также новая политика и идеи, поддерживающие нравственное возрождение, личную ответственность и отказ от насилия во всех аспектах жизни, будь то внутренние или международные, политические, экономические или социальные, семейные или индивидуальные.

Здесь следует отметить, что в февральской опросной волне можно наблюдать довольно редкую в исследованиях ситуацию, когда одновременно растут доли двух противоположных позиций. В ответах на вопрос, как респонденты отнесутся к решению Владимира Путина вывести войска, даже не достигнув изначальных целей «операции», доля поддерживающих такое решение выросла с 30 до 40%, а доля не поддерживающих — с 35 до 47%. Тот факт, что растет доля желающих остановить войну, не удивителен: в апреле таких было 19%, в октябре — 30%, сегодня — уже 40%. Однако одновременный прирост сторонников противоположной позиции указывает на поляризацию общества за счет мобилизации той самой реваншистской группы, о которой речь шла выше.

Неудачи российской армии, унижение осенних отступлений, рост числа принесенных жертв, человеческих и экономических, и страх поражения, подстегиваемый грозной риторикой Киева и российской пропагандой, привели к мобилизации реваншистских провоенных настроений. Общество все более втягивается в войну, которая после проведенной мобилизации гораздо ближе «придвинулась» к обывателю (в февральском опросе 22% респондентов заявили, что имеют близких или родственников, участвующих в войне). И простое возвращение в начальную точку (до начала войны) все менее выглядит нейтральным решением, а страх поражения обретает свои сценарные формы. Так, 52% респондентов считают, что Украина вторгнется в Россию, если российские войска отступят на «февральские границы». Среди реваншистов доля думающих так значительно выше и составляет 69%, а в группе тех, кто поддержал бы решение Путина о прекращении войны, — всего 12%. При этом 53% реваншистов говорят, что ощущают «страх», в котором, как можно предположить, переплетаются страх поражения и страх возмездия.

Рост реваншистских настроений, связанных со страхом поражения, вероятно, является одной из причин того, что поддержка войны вернулась к изначальным уровням (по сравнению с 52–55% летом–осенью 2022 года), не взирая на усталость от войны, потери на фронте, тревожность и негативные последствия войны для личной жизни людей. А также частично объясняет рост доли выражающих готовность идти на фронт.

Вместе с тем в целом готовность к мобилизации остается в основном

декларативной. Очередей добровольцев у военкоматов не наблюдается. Для большей части респондентов «готовность к мобилизации» является следствием лояльности существующему порядку (с его репрессивным потенциалом) и сознания невозможности на него повлиять. В целом по выборке респондентов, которые относятся к «уклонистам» (людям, бегущим от мобилизации) с пониманием, больше, чем тех, кто их осуждает: 47 и 36% соответственно. Это вполне определенно указывает на «вынужденный» характер принятия мобилизации значительной частью по-прежнему демобилизованного общества. Среди тех респондентов, которые не высказали своего отношения к «специальной операции», только 18% осуждают «уклонистов». Вполне ожидаемо, среди тех, чьи близкие участвуют в войне, доля осуждающих выше (41%), но даже здесь не является большинством.

Таким образом, можно говорить о двух факторах, определивших разворот тренда на снижение поддержки войны, наблюдавшегося в июле–сентябре, и лояльность мобилизации (то есть рост числа выражающих готовность отправиться на войну). С одной стороны, это увеличение партии реваншистов, мобилизованных «страхом поражения», с другой — сознание неотвратимости принудительного характера мобилизации, заставляющего адаптироваться к ее «новой нормальности», воспринимать ее как новую норму гражданской ответственности и социальной солидарности. Мобилизация фракции реваншистов поддерживает климат мнений, способствующий утверждению этой нормы непротivления.

«НИКОГДА НЕ ЗАВЕРШИТСЯ»: ПЯТЬ ФАЗ ПОГРУЖЕНИЯ В ВОЙНУ

Доля поддерживающих войну в феврале 2022 года оказалась такой же, как в начале войны, — 59%. Но было бы ошибкой видеть в этом «устойчивость» — между двумя одинаковыми цифрами лежит год драматических изменений в общественных настроениях.

Первая фаза: шок и паника. Объявление «специальной военной операции» стало шоком для всех без исключения. Многие испытали панику, с привычными реакциями инкапсуляции, лихорадочных закупок базовых товаров, продуктов и лекарств. Это был месяц потрясения, переживаний, определения личной тактики поведения и, что самое главное, формирования первоначального отношения к войне. Активное наступление российских войск внушило уверенность в обещанной «маленькой победоносной войне». Сформировалась группа воодушевленных и группа разгневанных; между ними — растерянные, замкнутые неопределившиеся.

Вторая фаза: поляризация — гнев и воодушевление. Уже к середине апреля российские войска отступили, но это не помешало воодушевлению сторонников войны длиться еще два месяца, поскольку пропаганда находила «облагораживающие» оправдания для заминки в «победоносной» войне («стремимся избежать потерь среди мирного населения», «создаются предпосылки для проведения переговоров»),

а последствия экономических санкций оказались не столь страшными. Уровень поддержки войны существенно вырос — до 66–64%. В этот момент в ходе опроса респондентам предлагалось послать (воображаемые) телеграммы украинцам. Это были послания сильной, великодушной стороны, обещавшей «младшим братьям» скорую помощь и освобождение («держитесь, мы вас спасем»). Ход «операции» должен был переломиться в пользу России. Противники «спецоперации» переживали гнев и отторжение. Прошла первая волна отъездов за границу.

Третья фаза: рецессия. Эта фаза началась примерно с конца июня. Истек период «нескольких месяцев», который определял для многих ожидаемую продолжительность «спецоперации». Российскую армию преследовали неудачи на фронте. Материальные последствия санкций становились более ощутимыми. Снабжение, нарушенное паническим спросом и перерывами в импорте, восстановилось, но цены выросли драматически. Признаки адаптации к новой ситуации (ответы респондентов о материальном положении демонстрировали рост позитива) соседствовали с чувством крайней неопределенности, приводившей к замиранию потребительского спроса. Поддержка войны упала на 9 процентных пунктов, с 64 до 55%.

Четвертая фаза: мобилизация. Психологически мобилизация явилась, как уже было сказано, более фрустрирующим событием, чем даже объявленная в феврале «спецоперация». Уровень тревоги, страха, шока, по данным «Левада-центра», вырос с 43% в конце февраля до 70% в конце сентября. Началась вторая волна эмиграции — сотни тысяч человек экстренно уехали за границу, спасаясь от мобилизации. Плохо организованная мобилизация и известия о гибели первых мобилизованных продемонстрировали, что война касается не только украинцев. Семьи массово теряли призванных и уехавших кормильцев, напряжение нарастало, люди ожидали продолжения мобилизационной кампании, закрытия границ.

Однако масштабы мобилизации оказались не столь катастрофическими. Военкомы не стояли у каждых ворот; основные события мобилизации происходили на периферии. К декабрю наступила адаптация. Несмотря на ее внешние признаки, общий настрой ухудшился, это заметно по росту чувства усталости и тревоги. Но наступила новая нормальность. Впервые изменились даже условия проведения опросов: осела квота молодых мужчин, которую мы достигаем случайным образом, так как военнообязанные стали хуже отвечать на звонки с незнакомых номеров.

Пятая фаза: погружение в войну. Массовая готовность к мобилизации как обреченность и уже принятый порядок, периодический рост позитивной субъективной оценки материального положения собираются в образ новой нормальности, смоделированной и подержанной пропагандой. Угроза репрессий и встречная рационализация неизбежного становятся ее основой. Негативные ожидания

в экономической сфере не оправдались. Объясняя парадоксальный рост позитивных настроений и оптимизма в январе 2023 года, коллеги из «Левада-центра» высказывают предположение, что «негативный информационный фон формирует алармистские ожидания, которые, не реализуясь в полной мере, вызывают представление об относительной устойчивости положения и способности экономики безболезненно преодолевать кризисы».

Однако наиболее яркой характеристикой изменений, произошедших с октября 2022 года по февраль 2023-го, является даже не рост реваншистских настроений, помогающий Кремлю поддерживать «градус войны», но адаптация общественных ожиданий к «долгой войне». Еще в октябре по сравнению с июлем резко сократилась уверенность в скором окончании войны и выросла доля затруднившихся определить временные рамки войны. В феврале (по сравнению с октябрём) доля тех, кто считает, что война продлится год и более, выросла сразу с 34 до 50%. И это, вероятно, самое резкое изменение по всему спектру оценок по сравнению с предыдущим замером.

Наконец, еще одним признаком «погружения» в войну выглядят некоторые проективные представления респондентов. Так, в февральской волне им был задан вопрос, следует ли проводить президентские выборы, если спецоперация не закончится до 2024 года. 46% сказали «нет» — против 37% считающих, что надо. Однако на следующий вопрос, завершится ли война, если в России сменится президент, 36% затруднились ответить, 40% ответили «нет» и лишь 15% ожидают ее окончания в этом случае. При этом чем более длительной войны респондент ожидает сегодня, тем меньше он верит, что она завершится в результате смены лидера. Война, выглядевшая поначалу личной инициативой Путина, по мере «погружения» в нее общества все более предстает как самостоятельная данность, рамка существования.

Впрочем, это состояние «погружения в войну» вряд ли можно рассматривать как новое долгосрочное равновесие. Как было показано выше, вопреки расхожему представлению, поддержка войны является не консолидированной, но в большой степени декларативной и навязанной. За фасадом декларативного провоенного большинства скрывается большинство «непротивления». Доля тех, кто поддержал бы решение Путина о немедленном выводе войск, растет параллельно с долей тех, кто его бы не поддержал. Консолидация реваншистских настроений соседствует со значительным и сохраняющимся потенциалом демобилизованности, наиболее ярким признаком которого является толерантность к «уклонистам». Дальнейшее нарастание издержек войны и отсутствие успехов на фронте будут вновь и вновь испытывать временное равновесие и «декларативную поддержку» на прочность.

ДЕВЯТАЯ ВОЛНА ОПРОСОВ ПРОЕКТА «ХРОНИКИ». ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Исследование проводилось со 2 по 9 февраля 2023 года. Метод — телефонное интервью по случайной выборке телефонных номеров. Финальная выборка — 1600 человек во всех регионах России. Расчетная ошибка выборки: 2,45% при 95-процентном доверительном интервале. Response rate (доля успешно завершённых интервью от общего количества разговоров) — 4%.

Исследование стало девятой волной опросов общественного мнения проекта «Хроники», организованного политиком Алексеем Миняйло и независимыми социологами. Постоянным партнером проекта «Хроники» является агентство ExtremeScan. В разработке анкет, аналитике и подготовке отчета принимали участие социологи Полина Миронова, Андрей Ткаченко, Владимир Звоновский, Надя Евангелян и Елена Конева.

- Ядро группы поддержки войны составляет 22%. В эту группу мы включили тех, кто 1) выразил поддержку войне, 2) считает, что в условиях дефицита бюджета средства нужно расходовать в первую очередь на армию, 3) не поддержал бы решение Путина вывести войска с территории Украины без достижения целей войны. Ядро группы противников войны также составляет 20%. В эту группу входят те, кто придерживается противоположного мнения по упомянутым вопросам.
- Число тех, кто заявил о поддержке войны, в течение года оставалось стабильным — 59%. Стоит отметить, что сам по себе процент заявляющих о поддержке войны малоинформативен, так как включает в себя широчайший спектр людей — от тех, кто ушел на фронт добровольцем, до тех, кто декларирует поддержку из-за страха репрессий.
- Портрет согласных с войной остался прежним: это чаще люди пенсионного возраста. Сторонники войны чаще получают информацию из официальных источников (телевидение, радио, газеты) и не пользуются VPN. Эти же группы людей более бескомпромиссны в оценке войны и чаще остальных не сомневались в своей позиции по этому поводу.
- Сейчас как минимум каждый десятый россиянин (11%) открыто заявляет о неподдержке спецоперации незнакомому человеку (интервьюеру) несмотря на криминализацию этой позиции.
- Доля тех, кто затруднился ответить на вопрос о поддержке/неподдержке или не захотел отвечать, на протяжении года тоже не сильно менялась — около трети (31%) граждан. А максимального значения их доля достигла после объявления частичной мобилизации (37%). Учитывая, что те, кто затруднился/не захотел ответить, отвечают на другие вопросы похожим образом, что и противники войны, можно предположить, что именно в эти две позиции «уходят» те, кто не согласен с войной, но не рискует говорить об этом открыто.

- Большая часть россиян (72%) не подвергали свою позицию в отношении войны сомнению. Респонденты, не заявившие о поддержке войны на момент опроса, чаще сообщали, что им приходилось сомневаться в своем отношении к войне. Это может говорить о том, что часть людей, ранее поддерживавших войну, теперь перестали ее поддерживать. Важно понимать, что противники войны находятся под общественным давлением и более рефлексивны. Более радикальны и бескомпромиссны в своей оценке сторонники войны.
- Вопрос об одобрении уголовного наказания за открытое осуждение спецоперации раскалывает общественное мнение пополам: 44% не одобряют его, немногим меньше — 41% — одобряют.
- Число россиян, которые сказали, что с марта 2022 года их семейный доход снизился, с мая медленно, но стабильно растет (в начале марта 2022 года таких было 39%, а в феврале этого года 43%). Похожая динамика наблюдается и в отношении россиян, потерявших работу: в начале прошлого года их доля в выборке составляла 4%, в феврале этого — 9%. Резкое увеличение потерявших работу наблюдалось в июле 2022 года.
- Половина россиян (50%) сказали, что с марта испытывали приступы тревоги, а каждый пятый (20%) перестал общаться с близкими друзьями или родственниками.
- 15% респондентов лишились важных для них интернет-сервисов. Среди молодежи и студентов лишился доступа минимум каждый третий.
- С апреля 2022 по февраль 2023 года число тех, кто испытывает чувство гордости по отношению к войне, снизилось на 18 процентных пунктов, до 52%, а тех, кто испытывает «воодушевление», — на 9 п. п., до 31%.
- 37% сказали, что испытывают чувство усталости по отношению к войне, а каждый четвертый — чувство разочарования. Чаще негативные чувства испытывают те, чей семейный доход стал меньше, и те, кто потерял работу.
- Доля россиян, которые полагают, что война продлится больше года, с конца марта 2022-го увеличилась в три раза, до 51%. Россияне больше не верят в скорое окончание войны и адаптируются к новой реальности, смиряются с ней.
- Средняя оценка достижимости целей войны по пятибалльной шкале — 3,16. Те, кто заявляет о поддержке войны, чаще других полагают, что цели выполнены на 3 и 4 балла, но не чаще других считают, что на 5 (5 баллов — «достигнуты все цели»). Число россиян, ответивших, что достигнуты все цели, — 13%. А минимум каждый 10-й россиянин считает, что спустя год войны не удалось достичь ее

целей даже частично.

- Говоря о причинах недостижения целей войны, 12% сказали о неподготовленности российской армии к войне, 10% — о том, что цели не достигнуты из-за гуманности российских сил, желания не навредить мирным жителям, еще 10% — о недостатке у России союзников.
- С мая доля тех, кто не мог артикулировать цели войны, уменьшилась с 35 до 20%. То есть к концу года войны каждый пятый не знает, зачем она ведется.
- Те, кто смотрит телевизор каждый день, чаще могут артикулировать цели войны. Из ответивших 17% считают целью борьбу с «нацистами», 12% — «возвращение русских земель» (под которыми, впрочем, подразумевается вся Европа и даже Вашингтон), еще 15% говорят о победе России, не конкретизируя, в чем она должна состоять.
- Заявляющие о поддержке войны чаще полагают, что украинцы и россияне являются единым народом; те, кто войну не поддерживает, чаще полагают, что не являются. Распределение по общей выборке: 54% заявляющих о единстве против 36% не согласных с этим.
- 40% поддержали бы решение Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны. По сравнению с сентябрьским исследованием увеличилось и число тех, кто поддержал бы перемирие (+9 п. п.), и тех, кто, наоборот, не поддержал бы такого решения президента (+13 п. п., до 47%). Если респондент полагает, что «противник» (ВСУ) будет наступать на российские территории после вывода войск, то перемирие он поддержит в меньшей степени.
- Больше половины респондентов (52%) полагают, что ВСУ продолжат наступление, если Россия выведет войска к границам до 24 февраля 2022 года. Кроме этого, часть жителей России осознают потери, которые несет Украина, и допускают мотивы возмездия.
- Две трети респондентов (66%) считают, что победа России принесет благо жителям Украины, 16% думают обратным образом.
- 46% полагают, что если к 2024 году война не закончится, президентские выборы проводить не следует. Логично, что почти столько же — 48% — полагают, что сменяемость власти в стране принесет больше вреда.
- Респондентов спросили, что бы они сказали Путину, представься им такая возможность. Несмотря на высокий рейтинг одобрения деятельности Путина, поддержку ему выразили бы только 25% опрошенных. 13% высказали бы экономические и социальные требования. 9% сказали бы, что война затянулась и они не понимают

ее цели. Критические «высказывания» планирует 21% респондентов.

- 1% опрошенных заявили, что участвовали или участвуют в войне, а 22% — что участвуют их близкие.
- К россиянам, которые стараются избежать участия в войне, респонденты по большей части относятся с пониманием (47%), осуждают их 36%.
- В то же время все меньше мужчин отвечают, что не готовы принять участие в войне. Сейчас таких 21%. Самое большое сокращение числа не готовых воевать наблюдается после объявления мобилизации. Больше половины мужского населения (18–60 лет) — 55% — говорят, что готовы принять участие в боевых действиях. Пойти на фронт добровольцем готовы 15%.
- В вопросе о приемлемой выплате семьям погибших в ходе боевых действий 38% назвали сумму от 1 до 10 млн рублей. 17% ответили, что «человеческая жизнь бесценна».
- Жители регионов с более высокой безработицей реже одобряют уголовное преследование противников войны и участие заключенных в войне, а также реже осуждают пытающихся избежать участия в войне.
- Негативное влияние экономических проблем на степень поддержки войны заметнее у тех, кто получает информацию о военных действиях из ТВ. Для таких респондентов каждая экономическая проблема снижает поддержку «специальной военной операции» на 11 п. п. (в 8-й волне исследования этот эффект составлял 8 п. п.).

ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ «СПЕЦОПЕРАЦИИ» ЗА ГОД ВОЙНЫ. ОТЧЕТ О ДЕВЯТОЙ ВОЛНЕ ОПРОСОВ ПРОЕКТА «ХРОНИКИ»

К концу года войны доля россиян, заявивших о поддержке войны (далее в отчете мы используем слово «война», чтобы называть вещи своими именами, однако следует оговориться, что в телефонном опросе для получения более искренних ответов со стороны респондента и безопасности интервьюеров мы использовали формулировки «специальная военная операция», «боевые действия на Украине» и т.д.), составила 59%, что совпадает со средним значением за весь год и идентично уровню поддержки в первую неделю войны. Однако в течение года наблюдалась значительная динамика поддержки. Самый высокий ее уровень наблюдался в апреле — 66%. Можно предположить, что к этому моменту снизились неопределенность и тревога от начавшейся спецоперации, а предполагаемые сроки ее завершения не казались превосходящими первоначальный план. Кроме того, в апреле российские войска так или иначе демонстрировали «успехи»: был взят Изюм, началась осада «Азовстали».

Самый низкий уровень поддержки наблюдался через неделю после мобилизации, в конце сентября, — 51%. Рост поддержки в феврале 2023 года по сравнению с опросом в конце сентября также обусловлен тем, что в нашу выборку попало на 12 п. п. меньше городских жителей, в частности на 3 п. п. меньше молодых мужчин (18–34 года) и на 6 п. п. меньше женщин, то есть всех тех, кто чаще других не поддерживает войну. Аналогичная проблема была с октябрьской, восьмой волной. Стоит отметить, что перевешивание лишь частично решает проблему, так как есть вероятность, что даже среди молодых людей на звонки чаще отвечают те, кто не избегает мобилизации и скорее поддерживает войну.

Сейчас тех, кто открыто выражает несогласие со «спецоперацией», 11%. Самое низкое число не поддержавших войну наблюдалось в начале марта 2022 года — 7%. Напомним, что именно в марте были приняты законы о «фейках» и «дискредитации российской армии». После этого доля тех, кто открыто заявляет о своем несогласии с войной, остается такой же стабильной, как и доля ее поддерживающих. Но важно отметить, что на протяжении всего года как минимум каждый десятый россиянин открыто заявлял о неподдержке войны человеку, позвонившему с незнакомого номера, принимая на себя риски возможного административного и уголовного преследования.

Респонденты также могли отказаться отвечать на этот вопрос (вариант ответа «Не хочу отвечать на этот вопрос» зачитывался в формулировке вопроса «Хроник» с конца марта 2022 года). Эта формулировка давала респонденту возможность не заниматься самодискредитацией. Если сложить число тех, кто отказался ответить на этот вопрос, и тех, кто затруднился ответить на него, можно наблюдать довольно заметные динамические изменения.

В среднем за весь год около трети граждан (31%) затруднялись или не хотели отвечать на вопрос, поддерживают они войну или нет. Самая высокая доля ответивших таким образом (37%) приходится на 29–30 сентября, то есть на неделю после объявления частичной мобилизации. Это можно объяснить возросшим уровнем тревожности (после мобилизации доля тех, кто чувствует себя тревожно, резко выросла), в результате чего стало больше респондентов, не готовых открыто обсуждать чувствительные темы. Логично и то, что все меньше молодых людей готовы были в принципе разговаривать с незнакомым человеком по телефону, а выражать свою позицию по поводу поддержки или неподдержки спецоперации — тем более. Есть как страх чрезмерного энтузиазма (вдруг предложат пойти на фронт), так и страх выразить недостаточную поддержку.

Мы не можем однозначно сказать, какой именно процент несогласных с войной «уходит» в категории «затруднистов» или не желающих отвечать. Поддержка войны зависит от многих факторов, и люди зачастую не могут артикулировать свое отношение к ней. Но можно утверждать, что доля тех, кто не поддерживает войну в принципе, существенно выше доли тех, кто готов артикулировать свою позицию. Показатели других источников измерения это подтверждают.

Мы задали дополнительный вопрос о том, приходилось ли респонденту хоть раз сомневаться в своем отношении к войне, сразу после вопроса про отношение к ней («Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации?»). 72% сказали, что не сомневались, 21% — что им приходилось это делать. Доля тех, кто не подвергал свою позицию сомнению, выше среди заявивших о поддержке войны (87%, то есть на 15 п. п. выше среднего по выборке). Бескомпромиссность такого отношения может объясняться безальтернативностью и категоричностью в оценке спецоперации официальными российскими СМИ. Среди тех, кто смотрит телевизор каждый день, не сомневающих в своей позиции на 7 п. п. больше, чем в среднем.

Чаще сомневались в своей позиции те, кто в настоящее время спецоперацию не поддерживает. Среди них доля тех, кто хотя бы иногда ставил свою позицию под сомнение, на 8 п. п. выше среднего по выборке и составляет 28%. Стоит отметить, что то отношение к войне, которое заявляется сейчас респондентом, не обязательно совпадает с тем, которое было ранее. Таким образом, «сомнение среди не поддерживающих войну» нельзя интерпретировать как «сомнение в том, стоит ли не поддерживать войну». Скорее наоборот, через сомнения в отношении к войне часть респондентов могла прийти от поддержки кампании к неподдержке. Противники войны гораздо меньше смотрят телевизор. Можно предположить, что они критичнее относятся к любой информации и больше размышляют о войне. Следовательно, сомнение в своих позициях в принципе присуще этой группе. Кроме того, напомним, что сейчас такая точка зрения по факту криминализована, следовательно, мнения о поддержке кажутся в окружении респондентов доминирующими. Неудивительно, что в столь некомфортной для себя позиции противникам спецоперации приходится хотя бы иногда сомневаться в правоте своих суждений.

Ситуацию для противников войны не облегчает и тот факт, что 41% россиян одобряют уголовное наказание для тех, кто осуждает спецоперацию и выражает свою позицию открыто. Немногим больше — 44% — не одобряют уголовное наказание для таких людей.

КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ЖИЗНЬ РОССИЯН ЗА ГОД? (ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ)

Начиная с марта 2022 года около 40% респондентов говорят о снижении уровня своих доходов. В феврале 2023 года это констатировали 43%, что на 4 п. п. выше средних показателей за год. Самый заметный скачок доли тех, кто потерял работу или бизнес, произошел в июле — она выросла с 3% до 12%. А доля тех, кто признал, что с ними это произошло в феврале 2023 года — 9%, что на 5 п. п. выше среднего по выборке. Учитывая плавную, но стабильную динамику этого показателя, можно предположить, что число таких людей будет расти.

Мы можем наблюдать значительные колебания доли респондентов, которые сказали, что с марта прошлого года испытывали приступы тревоги. В феврале 2023 года таких было 62%, на 12 п. п. больше, чем в октябре 2022-го. Не следует делать поспешных выводов об изменении в психологическом самочувствии россиян: в вопросе этой волны из формулировки было убрано слово «депрессия», чересчур стигматизированное в обществе. Параллельно растет доля тех, кто испытывает страх и тревогу по поводу войны (с апреля доля таких людей увеличилась на 22 п. п., до 61%), уменьшилась доля тех, кто испытывает уверенность и спокойствие (на 15 п. п., до 48%).

В июле мы зафиксировали 26% респондентов, которые перестали общаться с близкими друзьями и родственниками. Причины могли быть разные: взгляды на политику и войну, потери связи с теми, кто уехал из страны или ушел на фронт. В начале 2023-го, спустя полгода, эта цифра снизилась до 20%. Видимо, часть отношений была восстановлена. Тем не менее, каждый пятый респондент потерял контакт с кем-то из близких из-за текущей ситуации. Этот показатель выше среди противников войны.

С октября на 5 п. п. выросло число респондентов, сказавших, что из продажи исчезли важные для них лекарства, — с 16% до 20%. Причем в группе пенсионеров, которые традиционно чаще обращаются за медицинской помощью и в большей степени зависят от медицинских препаратов, распределение ответов не отличается от средних значений по выборке (16%). И наоборот, чаще замечают нехватку лекарств респонденты, которые, казалось бы, должны в меньшей степени потреблять медикаменты: это люди 30–39 лет и учащиеся (помимо этих двух групп замечают нехватку лекарств те, кто пользуется VPN и прямо заявляет, что не поддерживает войну). Скорее всего, такой неожиданный результат объясняется изначальной установкой: если респондент поддерживает войну, он будет более склонен не замечать сопутствующих бытовых неудобств, для тех, кто не согласен с проводимой политикой, связанные с ней неудобства становятся более заметными.

Очевидно, что нельзя отрицать и обратную причинно-следственную связь: если на человека существенно влияют последствия войны, он будет поддерживать ее меньше. Это объясняет, почему к группе противников войны традиционно (то есть на протяжении всех исследований «Хроник») присоединяются люди с плохим материальным положением и те, у кого материальное положение ухудшилось.

15% опрошенных сказали, что с марта 2022 года лишились доступа к важным интернет-сервисам. Среди людей от 18 до 29 лет и учащихся доступа к сервисам лишился минимум каждый третий (36% и 34% соответственно).

ЧУВСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К СПЕЦОПЕРАЦИИ

Мы задали вопрос о том, какие чувства россияне испытывают относительно военных действий в Украине. Артикуляция собственных эмоций без подсказки — всегда сложная задача для респондента в условиях телефонного опроса, поэтому мы зачитывали перечень с названиями чувств/эмоций, который в достаточной степени охватывает спектр человеческих переживаний, и предлагали респонденту сказать, испытывает он эти переживания или нет.

Доля испытывающих гордость уменьшилась на 17 п. п. с апреля (тогда таких людей было 69%, сейчас — 52%). Гордость — довольно сложная эмоция, частично составляющая самооценку, и не нее не могло не повлиять затягивание спецоперации и неудачи на фронте. То же произошло с чувством «воодушевления»: число испытывающих его уменьшилось на 9 п.п., до 31%. 88% среди тех, кто поддерживает войну, заявили, что ощущают чувство справедливости происходящего; война для них реализует праведные цели. 78% противников войны чувствуют гнев и возмущение. 37% респондентов устали от войны, а каждый четвертый испытывает чувство разочарования.

О том, что испытывают к войне безразличие, сказали лишь 6%; для 93% чувство безразличия не оказалось релевантным. Чаще чувство безразличия испытывают противники войны (13%, то есть минимум в два раза больше, чем в среднем по выборке). Они же чаще остальных групп отвечают, что не следят за ходом войны и не могут влиять на события в своей жизни. Эта отстраненность от военной повестки понятна: перспективы окончания войны не просматриваются, как и возможности каким-то образом повлиять на происходящее в стране.

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ОЦЕНКА ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

С октября на 8 п. п. (до 26%) увеличилась доля тех, кто полагает, что война продлится еще как минимум год; на столько же выросла доля полагающих, что она продлится больше года (до 24%). В начале войны доля тех, кто полагал, что спецоперация продлится год и более, составляла 15%, сейчас она почти в 3,5 раза больше — 50%. Зато число тех, кто полагает, что война продлится не больше 11 месяцев, за год упало с 56% до 21%. Россияне перестали верить в блицкриг и готовятся к долгой войне.

Мы попросили респондентов оценить, насколько, по их мнению, достигнуты цели военной операции, по пятибалльной шкале, где 1 — «не удалось достичь никаких целей», а 5 — «удалось достичь всех целей». Две крайние позиции — «не удалось достичь никаких целей» и «удалось достичь всех целей» — выбрали 11% и 13% соответственно.

Наибольшее число голосов получила оценка «3» — ее выбрали 36% респондентов.

Вопрос, почему цели спецоперации не достигнуты, задавался тем, кто оценил достижение целей спецоперации в диапазоне 1–4 (77%). Из них 12% указывали на неподготовленность армии и командования («вооруженные силы не были готовы совершенно, в плане наших солдат:

голодные, холодные», «министр обороны не имеет к военному делу никакого отношения», «пока не поставят на военные посты здоровых генералов, лучше не будет», «не была Россия готова к такой спецоперации»).

10% процентов опрошенных говорят о том, что цели кампании не достигнуты из-за гуманизма россиян. При этом в расшифровках наблюдается явное противоречие. С одной стороны соотечественники видят себя добрыми и гуманными людьми («мы очень мягкие, с большой совестью», «по причинам нашей доброты», «потому что мы очень гуманная нация»), с другой — в этой же группе респонденты делают вывод о том, что необходимо убивать мирных жителей и повреждать инфраструктуру городов («пустить им ракету и сразу разбить в пух и прах, особенно Зеленского», «не воюем как надо, надо все разбомбить к чертовой матери», «[причина недостижения целей] — нанесение ударов по центрам принятия решений / железнодорожным станциям / электростанциям», «Украину надо уничтожить, бендеровцы хуже фашистов»).

Еще 10% говорят о недостатке союзников у России («трудно воевать со всем миром», «слишком много противников у России», «потому что мы одни», «помогают Украине многие», «нет союзников», «мы в одиночестве, никто не помогает»). 9% уверены, что до достижения всех целей должно пройти еще какое-то время («большая территория, быстро не делается», «капитуляция Украины не подписана», «не все территории забрали на Украине, ненависть еще есть. Еще много работы предстоит»).

С мая 2022 года число респондентов, которые не могут артикулировать цель украинской кампании, сократилось на 15 п. п., с 35% до 20%. И все-таки спустя год войны каждый пятый россиянин не понимает, зачем Россия воюет с Украиной. Среди противников войны доля тех, кто не понимает ее целей, существенно выше (35%). Такие респонденты не могут с такой же легкостью, как сторонники, принять официально декларируемые цели и поводы, продвигаемыми российскими СМИ, в результате, они чаще уходят в позицию «не знаю».

С большей регулярностью называют цели те, кто смотрит телевизор каждый день, — 86% (при среднем по выборке — 80%). Из расшифровки открытых вопросов мы видим, что такие люди воспроизводят штампы, продвигаемые государственными СМИ. 17% (из 80% ответивших на вопрос) говорят о денацификации, победе над нацизмом. Расшифровка ответов показывает эмоциональную заряженность ответов: «убрать бандерлогов», «добить и уничтожить», «как они были бандерами, так и есть». Прочие «официальные» цели — обеспечение безопасности России и разоружение Украины, защита русскоязычного населения — называются гораздо реже.

Следующим наиболее частым ответом является победа России в войне. То есть 15% из ответивших на открытый вопрос считают войну целью самой по себе: цель войны — победить в войне, без какой-либо конкретизации («победим, и все будет хорошо», «Победа за нами!»),

«мы добьемся своего»). Доля таких ответов выросла с мая на 10 п. п.

Еще 12% считают, что цель войны — вернуть русские земли. Из ответов понятно, что экспансия «русскими землями» не ограничивается («не отдать Украину американцам, а себе оставить», «дойти до Вашингтона», «победить фашизм, захватить территорию до Польши и возможно дальше»). «Защита населения Донбасса» по числу упоминаний занимает 4-е место (8%), а «возвращение мира» — 5-е (7%). Несмотря на некоторое различие в кодировке открытых ответов, сравнивая разные волны опросов, можно выделить определенные тенденции. Если в мае прошлого года респонденты скорее воспроизводили формулировки официальной пропаганды, то теперь в ответы все чаще «вплетаются» сюжеты, связанные с окончанием войны («победа, и чтобы все наладилось»), и пожелания мира («скорее закончилось, смирились, прекратить войну», «чтобы наступил мир — люди появляются не для того, чтобы воевать, а чтобы жить и радоваться»). Данные открытых вопросов сложны для репрезентативного анализа, поэтому можно делать обобщенные выводы — в целях, которые респонденты формулируют сами, в ответ на открытый вопрос, доминирует желание завершения войны.

Мы спросили респондентов, о том, являются ли сейчас россияне и украинцы одним народом. Больше половины россиян — 54% — считают, что являются, больше трети — 36% — не согласны с этим утверждением. Первый вариант чаще выбирают люди, поддерживающие войну (66% среди поддерживающих, 41% среди противников). Эти же люди чаще выражают уверенность, что победа России принесет благо украинцам (76%). Так можно сделать вывод, что такие респонденты трактуют единство в первую очередь как отсутствие суверенитета, а Россию видят в роли «заботливого» старшего брата. В июне мы предлагали респондентам отправить телеграммы простым украинцам. Наиболее популярным посланием было: «Держитесь! Мы вас спасем». В этой массовой убежденности, что Россия воюет не с украинцами, а с нацистами и НАТО, — один из основных корней поддержки войны.

Противники войны более неоднозначно относятся к «единству» народов. Три четверти уважают суверенитет украинцев и понимают нелепость ожидания блага для украинцев от победы России. Четверть противников войны видят в украинцах братьев, вторжение на территорию которых недопустимо.

ОЦЕНКА ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ВОЙНЫ ПО ГРУППАМ

Мужчин в меньшей степени удастся убедить в эффективности военных действий, чем женщин (3,08 и 3,22 соответственно — по пятибалльной шкале, см. выше). Возможно более высокая осведомленность о военной службе и возможностях различных видов вооружений и географии театра военных действий не позволяют им верить государственной пропаганде. Жители российских столиц скептически оце-

нивают успехи на фронте, чем жители сел (2,86 и 3,35 соответственно). В целом чем меньше населенный пункт, тем выше уверенность в успехах. Скептически смотрят на военную кампанию россияне с высшим образованием (2,89).

Работающие россияне ставят войне «тройку», в то время, как учащиеся и пенсионеры — 3,28 и 3,35 баллов соответственно. Невысокого мнения о результатах войны жители экономически активных возрастов: 3,02–3,04 баллов, в то время как молодежь и старшие поколения считают, что успехов на фронте больше. Иначе говоря, высокая оценка эффективности войны доминирует на социальной периферии российского общества, в то время как социальный центр (столицы, люди с высшим образованием, люди в наиболее экономически активном возрасте) уверен в незначительности достигнутых результатов. Очевидно, что образ текущей войны в массовом сознании в значительной степени формируют каналы коммуникации. Те, кто ежедневно смотрит телевидение, считает, что операция далеко продвинулась в достижении своих целей (3,34), а те, кто не смотрит его вовсе, не согласны с этим (2,59). Противоположное влияние у интернета: использующие его постоянно полагают, что операция буксует (3,08), а те, кто лишен возможностей доступа к широкому спектру мнений и материалов, уверен в обратном (3,50). Еще ниже оценка успехов на фронте среди тех, кто использует VPN (2,72). Как видим, чем более однородная информация доступна зрителю, тем более оптимистично он смотрит на украинскую кампанию, чем шире и разнообразнее доступная ему информация, тем он пессимистичнее.

Разумеется, среди поддерживающих войну выше и оценка ее хода (3,4; среди ее противников — 1,9). Полагающие, что война несет благо жителям Украины, оптимистичнее тех, кто уверен в отсутствии такого влияния (3,5 и 2,3 соответственно). Чем ближе видится окончание боевых действий, тем ближе кажется достижение их целей: среди тех, кто надеется, что война закончится в ближайшие три месяца, оценка достижения целей составляет 3,8, среди тех, кто считает, что она не закончится и через год, — 2,9. Напротив, противники войны — те, кто не видит пользы от нее жителям Украины и думает, что она затянется на долгие годы, — считают, что кампания не достигла значимых результатов.

Желание принять участие в успешной операции очевидно выше, чем желание участвовать в той, где успеха нет. Потенциальные добровольцы считают, что российская армия достигла своих целей на 3,40 баллов, а те, кто готов участвовать в «операции» только по приказу военного комиссара, считают что ее успех составляет 3,21. Среди тех, кто не готов в ней участвовать, этот показатель существенно ниже — 2,30.

Россияне, столкнувшиеся за последний год с разными видами проблем (потеря работы, ухудшение материального положения, разрыв с родными и близкими, потеря доступа к важным интернет-ресурсам и лекарствам и т.д.), также скептически смотрят на достигнутые на фронте результаты. Можно предположить, что в массовом созна-

нии успехи на фронте связаны с наличием проблем в тыловой повседневности: если есть проблемы в тылу, то есть они и на фронте, есть успехи на фронте — меньше проблем в тылу.

Россияне, полагающие, что сменяемость власти в нашей стране принесет больше вреда, выше оценивают достигнутые результаты операции, чем те, кто уверен в пользе такого обновления (3,48 против 2,30). Как видим, война и ее возможный результат довольно жестко и однозначно связаны в массовом сознании с образом Владимира Путина и его бесконечного правления.

ГОТОВНОСТЬ К ПЕРЕМИРИЮ

Мы спросили респондентов, как они отнеслись бы к решению президента вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры. 40% сказали, что поддержали бы такое решение, но еще больше (47%) — что нет. Если сравнить эти результаты с данными опроса, проведенного сразу после мобилизации, то видно, что доля затруднившихся ответить уменьшается, в то же время растет как доля тех, кто поддержит решение Путина (на 9 п. п.), так и тех, кто такое решение не поддержит (на 13 п. п.). В этом вопросе отчетливо видна усилившаяся поляризация: усталости и скепсису противостоит растущая группа тех, кто хочет идти до конца.

Хотя количество россиян, выступающих за перемирие без достижения всех целей, нельзя назвать незначительным (40%), тем не менее не нужно забывать, что однозначно интерпретировать ответы на этот вопрос невозможно. Одно дело, если речь идет о выводе войск на границы, какими они были на 24 февраля 2022 года, тогда, возможно, ответивших таким образом и следовало бы записать в условных противников войны. Но если речь идет о прекращении огня и заключении перемирия с сохранением «завоеванных» территорий, то эта позиция также может считаться «захватнической». Частично это подтверждается и тем, что чаще согласны на перемирие те, кто считает, что цели войны достигнуты на 4 и 5 баллов. Напомним, что по итогу референдумов Путин и сам призывал украинскую сторону сесть за стол переговоров — позиция таких респондентов здесь не отличается от мнения главнокомандующего.

Логично, что готовность к перемирию связана и с представлением о предполагаемых намерениях «противника». Мы спросили респондентов, будут или не будут, по их мнению, вооруженные силы Украины продолжать боевые действия на территории России, если российские войска вернутся к границам на 24 февраля 2022 года. В целом по выборке большинство — 52% — полагают, что ВСУ продолжат наступление, вдвое меньше респондентов такую возможность не допускают. Те, кто считает, что наступление продолжится, реже проявляет готовность к перемирию и наоборот.

СМЕНЯЕМОСТЬ ВЛАСТИ И ВОЙНА

Отвечая на вопрос, следует или не следует проводить выборы президента в 2024 году, если спецоперация на тот момент не закончится, почти половина респондентов (46%) говорит, что проводить выборы не следует. Этот показатель отчасти является уровнем безальтернативной поддержки Путина. Одновременно свой вклад здесь дает прагматическое соображение, что выборы — мероприятие с predetermined результатом — непозволительная роскошь в условиях кризиса. Причем проблема усугубляется не только тем, что ресурсы надо тратить на достижение победы, но и тем, что все меньше денег остается на социальные расходы. Но 37% опрошенных полагают, что выборы все-таки проводить следует. И неудивительно, что этот показатель выше среди тех, кто не поддерживает войну и, очевидно, Путина (61%).

Никто, включая сторонников войны, не верит, что смена президента поможет остановить войну (всего 15% респондентов думают подобным образом), 40% считают, что если Путин уйдет в отставку, война все равно продолжится. Тем не менее, вопрос выглядит сложным, и относительное большинство респондентов (46%) не смогли на него ответить.

46% опрошенных полагают, что сменяемость власти в принципе принесет стране больше вреда. Этот параметр отчасти коррелирует с вопросом о целесообразности выборов в 2024 году, но еще больше он является симптомом общего консерватизма, лояльности Путину и войне, готовности «идти до конца». 25% затруднились с ответом на этот вопрос, но почти каждый пятый (19%) полагает, что сменяемость власти принесет стране больше пользы, чем несменяемость.

Респондентов также спросили о том, чтобы они сказали Путину или спросили у него, если бы им представилась такая возможность. Из 63% ответивших 11% пожелали бы Путину победы и посоветовали бы действовать более жестко; ровно столько же ответивших волнуют вопросы социальной политики и экономики («давайте закончим войну и начнем развивать нашу родину, дороги, культуру», «почему в Европе люди живут спокойнее, чем в России», «почему на военный бюджет вкладываются такие деньги, люди живут в трущобах», «чтобы он заботился не только на территории Украины, но и на территории своей страны заботился о гражданах, и сколько можно жить в нищете»). 6% волнует вопрос окончания войны, и они задаются вопросом: а была ли возможность ее не начинать? («попрошу прекращение бойни», «попросил чтоб вернул моего сына», «был ли другой возможный путь избежать этот конфликт?», «неужели нельзя было не делать этого, не начинать спецоперацию?», «сказал бы: что ты наделал?», «как долго еще будут происходить военные действия и сколько еще человек погибнет за это, ведь в итоге все равно будут переговоры?», «до какого времени он планирует идти до конца, если они не будут сдаваться?»).

Озабоченность внутренней политикой отражается и в распределении ответов на вопрос о том, на что в условиях дефицита следует тратить бюджетные средства. Так, большинство респондентов — 47% — не-

смотря на военное время все же полагает, что средства должны быть направлены на социальную сферу, в том числе медицину и образование. На 10 п. п. меньше — 37% — полагают, что в первую очередь следует финансировать вооруженные силы.

ГОТОВНОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ, ОТНОШЕНИЕ К УКЛОНИСТАМ И ЦЕНА ЖИЗНИ

Вопрос о готовности принять участие в военных действиях в Украине задавался мужчинам мобилизационного возраста — от 18 до 60 лет. Спустя год войны каждый пятый мужчина мобилизационного возраста (21%) не готов принять участие в боевых действиях в Украине. Это самый низкий показатель за все время наблюдений. В мае прошлого года не были готовы принимать участие в войне 51% россиян. Чем дольше идет война, тем меньше мужчин отвечают, что не готовы воевать.

Самый мощный «скачок» наблюдался в октябре, после объявления частичной мобилизации (доля не готовых воевать снизилась с 32% до 21%). Снижение объясняется и тем, что после мобилизации ответ о неготовности воевать стал социально неодобряемым. Напомним, что с первого дня войны в российских СМИ развернулась кампания по дискредитации россиян, которые не хотят воевать. К ним в том числе относятся уехавшие по политическим причинам соотечественники. Мобилизация — беспрецедентное событие, затронувшее значимую часть граждан. Можно предположить, что признаваться в своей неготовности воевать респондентам как минимум неловко.

Число тех, кто готов воевать, с мая выросло на 16 п. п, теперь об этом заявляет больше половины мужского населения — 55%. Но только 15% из них готовы делать это добровольно, большая часть — 40% — только по приказу. Надо отметить и то, что число декларируемых добровольцев с октября снизилось на 6 п. п., до 15%.

Впрочем, как и в прошлых исследованиях «Хроник», воевать добровольно чаще готовы те, кто подлежит мобилизации в последнюю очередь: мужчины за 50 (среди них каждый пятый считает себя потенциальным добровольцем), пенсионеры и состоятельные люди, которые могут купить себе дом/квартиру в случае необходимости (не вызывает сомнений, что люди с таким материальным достатком смогут при необходимости «откупиться» и от мобилизации). Молодые люди (18–39 лет) готовы воевать гораздо реже.

Большинство респондентов (58%) положительно относятся к тому, что осужденные за тяжкие преступления принимают участие в войне в обмен на помилование, 28% — отрицательно. Минимум каждый пятый россиянин (22%) сказал, что его близкие или родственники участвуют в войне. Чаще так говорят молодые люди (напомним, что они же чаще не поддерживают войну), учащиеся и люди из сельской местности. Москвичи, у которых близкие участвуют в войне, встречаются реже.

Мы задали вопрос о том, как относятся россияне к соотечественникам, которые уклоняются от участия в войне. В целом по выборке, россиян, которые относятся к «уклонистам» с пониманием, больше, чем тех, кто их осуждает: 47% и 36% соответственно. Но среди тех, чьи близкие участвуют в войне, доля осуждающих выше (41% против 34% у тех, у кого нет близких, ушедших на фронт). Еще одна категория, которая относится к уклонистам с пониманием, — те, у кого жизнь существенно изменилась за год не в лучшую сторону (семейных доход сократился, потеряли работу, вынуждены экономить и столкнулись с исчезновением важных лекарств). Солидарны с ними в этом вопросе и те, кому денег не хватает даже на питание. Именно такие уязвимые группы больше переживают на тему мобилизации. На их и без того шатком положении всегда в большей степени сказываются глобальные социальные события.

В конце анкеты мы решились спросить, какие выплаты за погибшего в рамках «спецоперации» военнослужащего респонденты считают справедливыми. Большая доля респондентов (42%) затруднились или отказались отвечать, 41% назвали какую-то сумму, причем 26% из числа ответивших (10% из всей выборки) назвали в качестве приемлемой единоразовой денежной компенсации сумму от 1 до 10 млн рублей — в этот диапазон попадают выплаты, о которых пишут официальные российские СМИ. 17% всей выборки спонтанно заявили, что никакая компенсация не может быть справедливой, потому что человеческая жизнь бесценна.

АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУ ВОЙНОЙ В УКРАИНЕ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

Мы задали вопрос, касающийся ассоциации между нынешней кампанией и Великой отечественной войной («Как вы думаете, спецоперация скорее похожа на Великую Отечественную войну или скорее отличается от нее?») в формате эксперимента. Первой половине респондентов (группа 1) вопрос задавался сразу после демографических вопросов и до всех чувствительных вопросов про войну. Второй половине респондентов (группа 2) — после всех вопросов про текущую войну. Группы сбалансированы по демографическим характеристикам и источникам информации, также респонденты обеих групп начиная с марта 2022 года столкнулись, по своим собственным оценкам, с одинаковым количеством проблем (увольнение, снижение материального положения, необходимость экономить из-за роста цен, исчезновение лекарств или отсутствие доступа к важным интернет-ресурсам).

Нас интересовало, как ассоциация «специальной военной операции» и Великой Отечественной войны влияет на ответ на вопрос о поддержке войны в Украине и наоборот, а также как вопросы про нее определяют отношение к ней как к Великой Отечественной. Таблица 2 представляет результат эксперимента.

В группе 1 23,6% респондентов ответили, что нынешняя война и Великая Отечественная скорее похожи. В группе 2 эта доля составила 15,6%, то есть на 8 п. п. меньше. Таким образом, респонденты, которые успевают обдумать свою позицию относительно военных действий

в Украине, значительно менее уверены, что эти две войны похожи. Однако это различие не влияет на отношение к нынешней войне — в обеих группах 58% респондентов ее поддерживают. Тем не менее, положение вопроса про сходство украинской кампании и Великой Отечественной войны влияет на то, приходилось ли респонденту сомневаться в своем отношении к текущей войне: в группе 1 респонденты сомневались в своем отношении к войне на 3 п. п. чаще. Как было показано ранее, респонденты, не поддерживающие войну, чаще сомневались в своем отношении к ней. Таблица 3 демонстрирует результат эксперимента с разбивкой по респондентам, поддерживающим и не поддерживающим войну. Среди тех, кто поддерживает украинскую кампанию, в группе 1 по сравнению с группой 2 сомнение в отношении к войне выше на 4,8 п. п., а оценка сходства текущей войны и Великой Отечественной — на 10,5 п. п. Среди не поддерживающих войну в группе 1 сомнение в отношении к войне не отличимы от группы 2, а оценка сходства войны в Украине с Великой отечественной на 4.3 п. п. выше.

Далее мы проводим аналогичный анализ для четырех подгрупп с разбивкой по поддержке войны и сомнениям в военных действиях. Таблица 4 показывает результаты. Среди тех, кто поддерживает войну и не испытывал сомнения в своей позиции, наблюдается значительное снижение падения оценки сходства войны в Украине и Великой Отечественной — с 32,4 п. п. до 20,5 п. п. в зависимости от позиции вопроса. Среди тех, кто поддерживает войну и испытывал сомнения, почти нет падения — доля оценки сходства текущей войны и Великой Отечественной остается на уровне 21–22 п. п. Среди тех, кто не поддерживает войну и не сомневался в своей позиции, наблюдается падение с 11 п. п. до 8.2 п. п., а среди тех, кто сомневался, — с 16,9 п. п. до 9,7 п. п. Эти результаты наглядно демонстрируют, что среди поддерживающих и не заявляющих о сомнении в своей позиции столкновение с вопросами о войне значительно снижает оценки того, насколько нынешняя война и Великая Отечественная похожи (позиция, безусловно имеющая источником госпропаганду). То есть на самом деле эти люди вполне способны к изменению позиции, если будут рассуждать независимо от пропаганды. Среди тех, кто поддерживает войну и уже ранее сомневался в своем мнении, позиция вопроса не меняет его, эти респонденты уже все решили. Среди тех, кто не высказал поддержки войны и не сомневался в своей позиции, наблюдается снижение (впрочем, несущественное), то есть их взгляды вполне устоялись. Однако среди тех, кто не заявил о поддержке войны, также наблюдается значительное снижение оценок сходства украинской кампании и Великой Отечественной. Это говорит о том, что эта часть респондентов все еще в процессе осознания происходящего.

ЯДРО ПОДДЕРЖКИ И ПРОТИВНИКОВ ВОЙНЫ

В девятой волне, как и в шестой восьмой, мы можем построить ядро поддержки войны. В данной волне мы строим широкое и узкое ядро поддержки. Широкое ядро поддержки мы определяем следующим образом.

Критерий 1: респондент поддерживает войну и одновременно не готов к перемирию без достижения целей, даже если Владимир Путин примет такое решение.

Доля респондентов, соответствующих критерию 1, составляет 38%. Однако, едва ли всех их можно включить в реальное ядро поддержки, поскольку сценарий перемирия без достижения целей может казаться для многих нереалистичным, а издержки по достижению победы вполне туманными. Далее мы «уточняем» это ядро по трем направлениям.

Критерий 2: предпочтение в пользу приоритетного расходования средств госбюджета на армию (а не на социальные нужды) в случае дефицита госбюджета (который по факту уже есть).

Критерий 3: моральное осуждение тех, кто уклоняется от участия в войне

Критерий 4: поддержка уголовного преследования противников войны, выражающих это публично.

Доля респондентов соответствующих

- критерию 1 и критерию 2 — 22,1% от общего числа респондентов,
- критерию 1 и критерию 3 — 22% от общего числа респондентов,
- критерию 1 и критерию 4 — 23,4% от общего числа респондентов.

Таким образом, реальным ядром поддержки можно считать не более 22–23%.

- Также мы рассчитываем ядро противников СВО. Если взять в качестве критерия, что противник СВО:
- не выразил поддержку войне,
- считает, что в условиях дефицита бюджета государственные средства нужно расходовать в первую очередь на социальную сферу,

а кроме того поддержал бы решение Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны,

то ядро группы противников войны составляет 20%.

СОВМЕСТНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ПОДДЕРЖКИ ВОЙНЫ И ГОТОВНОСТИ К ПЕРЕМИРИЮ

В данном разделе мы проводим регрессионный анализ, чтобы прове-

ритель устойчивость результатов, описанных ранее в виде кросс-таблиц. Более того, в описаниях результатов мы отталкиваемся от демографических и мировоззренческих характеристик респондентов и смотрим, как эти характеристики связаны с политическими предпочтениями, отношением к войне и другим процессам, происходящими в России.

- 1) Уверенность респондентов, что они могут влиять на свою жизнь, повышает поддержку военных действий в Украине, снижает вероятность сомнений в отношении военной кампании, повышает их оценки предположения, что сменяемость власти вредна, повышает оценку достижимости целей войны, повышает вероятность предпочтения расходов бюджета на армию и повышает вероятность одобрения уголовного преследования для противников войны.
- 2) Положение вопроса про ассоциацию между нынешней украинской кампанией и Великой Отечественной войной в начале анкеты повышает положительную оценку их сходства, а также повышает вероятность сомнений в своем отношении к войне.
- 3) Женщины реже поддерживают войну, чаще считают, что выборы в 2024 году не нужны, а сменяемость власти скорее несет вред. Также женщины считают, что цели войны достигнуты в большей степени, чаще выступают за перемирие, скорее с пониманием относятся к уклоняющимся от участия в войне, менее склонны одобрять участие заключенных в боевых действиях и чаще испытывают чувство тревоги.
- 4) Молодые респонденты (18–34 лет) реже поддерживают войну, более склонны одобрять выборы, считают цели войны достигнутыми в большей степени, выступают за перемирие, за использование дефицитного бюджета для социальных нужд. Молодые менее склонны осуждать уклоняющихся от мобилизации, они реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в боевых действиях. Они также реже испытывают чувство тревоги.
- 5) Люди с высшим образованием чаще считают необходимыми выборы 2024 года, считают цели войны достигнутыми в меньшей степени и реже одобряют уголовное преследование для противников военной кампании.
- 6) Респонденты с низким материальным положением считают цели войны достигнутыми в меньшей степени и чаще одобряют участие заключенных в войне.
- 7) Работники госсектора чаще одобряют участие заключенных в войне, чем неработающие или работники частного сектора. Работники как частного, так и государственного секторов считают цели украинской кампании достигнутыми в меньшей степени, чем неработающие.
- 8) Те респонденты, у кого родственники участвовали в войне, чаще

одобряют участие заключенных в кампании и чаще осуждают тех, кто уклоняется от участия в войне.

- 9) Проблемы, с которыми столкнулся респондент (увольнение, снижение материального положения, необходимость экономить из-за роста цен, исчезновение лекарств или доступа к интернет-ресурсам), снижают поддержку войны, повышают сомнения в отношении к кампании, повышают одобрение необходимости выборов в 2024 году и сменяемости власти. Эти респонденты также считают цели войны достигнутыми в меньшей степени, чаще выступают за перемирие, расходование бюджета на социальные нужды, реже одобряют уголовное преследование для противников войны и реже осуждают уклоняющихся от мобилизации. Они также чаще испытывают приступы тревоги.
- 10) Те респонденты, которые получают информацию о войне из телевизора, чаще поддерживают боевые действия на территории Украины, считают нынешнюю войну и Великую Отечественную более схожими, реже сомневались в отношении к украинской кампании, чаще выступают за отмену выборов 2024 года и за несменяемость власти. Эти респонденты считают цели войны достигнутыми в большей степени, реже выступают за перемирие, за расходование бюджета на соцнужды, чаще одобряют уголовное преследование для противников войны, чаще осуждают уклоняющихся от мобилизации и чаще одобряют участие заключенных в боевых действиях.
- 11) Использование интернет-ресурсов для получения информации о текущей войне повышает вероятность сомнения в отношении к кампании, а также снижает оценки достижимости целей войны.
- 12) Пользователи VPN реже поддерживают войну, считают цели полномасштабного вторжения в Украину достигнутыми в меньшей степени, чаще выступают за перемирие, реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в боевых действиях.
- 13) Получение информации о войне от родственников снижает одобрение необходимости выборов в 2024 году и повышает тревожность.
- 14) Жители сел / ПГТ скорее выступают за уголовное преследование противников войны.
- 15) Жители приграничных регионов с Украиной скорее выступают за отмену выборов 2024 года.
- 16) Жители регионов с более высокой безработицей реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в войне, а также реже осуждают уклоняющихся от участия в украинской кампании.

ЭФФЕКТ СУБЪЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ВОЙНЫ: ТЕЛЕВИЗОР И ХОЛОДИЛЬНИК

Далее мы анализируем дополнительные эффекты экономических проблем, расширяя базовую модель.

- 17) Негативное влияние экономических проблем на поддержку войны больше у тех респондентов, кто получает информацию о текущей кампании из ТВ. Среди тех, кто получает информацию из ТВ, войну поддерживают 67% респондентов. Каждая новая экономическая проблема снижает поддержку войны у этой группы респондентов на 11 п. п. Среди тех, кто не получает информацию о войне из ТВ, ее поддерживают 34%, и каждая новая экономическая проблема снижает поддержку войны у этой группы респондентов на 8,3 п. п. (Всего учтено три экономических проблемы: увольнение, снижение материального положения, экономия из-за роста цен.) Таким образом, для тех респондентов, кто получает информацию о войне из ТВ, но встретился как минимум с тремя экономическими проблемами, уровень ее поддержки составляет $67 - 3 \times 11 = 34\%$, что соответствует уровню поддержки войны у респондентов, не получающих информацию о ней из ТВ.

То есть наблюдаемое противоречие между плохой экономической реальностью и пропагандистскими обещаниями по ТВ снижает поддержку в большей степени, чем просто наблюдение плохой экономической реальности без просмотра ТВ. Конечно, уровни поддержки войны у тех, кто смотрит, и у тех, кто не смотрит ТВ, разнятся, и это снижение происходит от заведомо более высокого уровня поддержки.

Аналогичные эффекты наблюдаются для отказа от поддержки перемирия и для неприязни к сменяемости власти. Более того, среди тех, кто не смотрит ТВ, влияние экономических проблем на неподдержку перемирия не наблюдается, поскольку респонденты, не смотрящие ТВ, исходно в большинстве перемирие поддерживают. Стоит отметить, что в восьмой волне нашего исследования среди тех, кто черпал информацию о войне из ТВ, войну поддерживали 68% респондентов; среди тех, кто черпал информацию о войне не из ТВ, — 39%. Это сопоставимо с тем, что мы наблюдаем в девятой волне. Однако в восьмой волне для обеих групп (использующих и не использующих ТВ для получения информации о войне) каждая дополнительная экономическая проблема снижала поддержку войны на 8,2–8,6 п. п. То есть в восьмой волне такой сильной разницы в эффектах экономических проблем между теми, кто получает информацию из ТВ и не из ТВ, не было. В девятой волне эта разница появилась.

- 18) Негативное влияние экономических проблем на вопросы, свя-

занные с войной, практически не зависят от оценки своей способности влияния на собственную жизнь. Единственное отличие состоит в том, что для тех, кто считает, что может влиять на собственную жизнь, экономические проблемы не влияют на неготовность к перемирию. Однако, для тех, кто не считает, что в полной мере может влиять на собственную жизнь, экономические проблемы снижают оценки неготовности поддержать перемирие.

- 19) Негативное влияние экономических проблем на поддержку войны не зависит также и от наличия высшего образования. Тем не менее, для респондентов без высшего образования экономические проблемы не создают дополнительных стимулов для того, чтобы поддерживать перемирие, в то время как у респондентов с высшим образованием экономические проблемы значительно понижают неготовность к перемирию. По-видимому, это связано с тем, что респонденты с высшим образованием вполне осознают, что основная причина экономических проблем — это война.